

ДЖОРДЖ БАЙРОН ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬД

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ПЕСНЕ

«L'univers est une espèce de livre, dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J' en ai feuilleté un assez grand nombre, que j'ai trouvé également mauvaises. Cet examen ne m'a point été infructueux. Je haïssais ma patrie. Toutes les impertinences des peuples divers, parmi lesquels j'ai vécu, m'ont réconcilié avec elle. Quand je n'aurais tiré d'autre bénéfice de mes voyages que celui-ci, je n'en regretterais ni les frais ni les fatigues».

Le Cosmopolite.¹

¹ Мир подобен книге, и тот, кто знает только свою страну, прочитал в ней лишь первую страницу. Я же перелистал их довольно много и все нашел одинаково плохими. Этот опыт не прошел для меня бесследно. Я ненавидел свое отечество. Варварство других народов, среди которых я жил, примирило меня с ним. Пусть это было бы единственной пользой, извлеченной мною из моих путешествий, я и тогда не пожалел бы ни о понесенных расходах, ни о дорожной усталости. *Космополит (франц.)*.

В качестве эпиграфа к песням первой и второй поэмы Байрон взял вступительные строки из книги французского писателя и путешественника Фужере де Монбронна (?-1761) «Космополит, или Гражданин мира», Лондон, 1753.

Нижеследующая поэма была написана большею частью среди той природы, которую она пытается описать. Она начата была в Албании, а все относящееся к Испании и Португалии составлено по личным впечатлениям автора, вынесенным из пребывания его в этих странах — вот что следует установить относительно верности описаний. Пейзажи, которые автор пытается обрисовать, находятся в Испании, Португалии, Эпире, Акарнании² и Греции. На этом поэма пока останавливается: по приему, оказанному ей, автор решит, следует ли ему повести за собой читателей далее, в столицу Востока,³ через Ионию и Фригию;⁴ настоящие две песни написаны только в виде опыта.

Для того чтобы придать поэме некоторую связность, в ней изображен вымышленный герой —

² Эпир, Акарнания — западная часть Греции.

³ Столица Востока. — Байрон имеет в виду столицу Османской империи г. Стамбул.

⁴ Иония, Фригия — в Древней Греции западная и северо-западная области Малой Азии.

лицо, совершенно не претендующее, однако, на выдержанность и цельность. Мне сказали друзья, мнением которых я очень дорожу, что меня могут заподозрить в намерении изобразить в «Чайльд-Гарольде» определенное, существующее в действительности лицо; в виду этого, я считаю своим долгом раз навсегда опровергнуть такое предположение: Гарольд — дитя воображения, созданное указанной мною целью. Некоторые мелкие подробности, чисто местного характера, могут дать повод к такому предположению, но в целом я, надеюсь, не дал никакого основания для подобного сближения.

Считаю почти лишним указать на то, что название «Чайльд»⁵ в именах «Чайльд-Ватерс», «Чайльд-Чильдерс» и т. д. я употребляю потому, что оно соответствует старинной форме стихосложения, избранной мною для поэмы. Песня «Прости» (Good Night) в начале первой песни, навеяна песней «Lord Maxwell's Good Night» в

⁵ В XIII и XIV столетиях слово child означало юношу благородного происхождения, ожидающего посвящения в рыцарство (так, напр., в романах об Ипомидоне, сэре Триамуре и др.). Старинные английские писатели часто употребляют его как титул; в поэме Спенсера «Царица фей» так постоянно называется принц Артур. Байрон употребляет это слово в спенсеровском смысле, как благородного юноши.

Border Minstrelsy, сборнике, изданном г. Скоттом.

В первой песне, где говорится об Испании, могут встретиться некоторые незначительные совпадения с различными стихами, написанными на испанские сюжеты, но совпадения эти только случайные, так как, за исключением нескольких заключительных строф, вся эта часть поэмы была написана на Востоке.

Спенсеровская строфа, как это доказывает творчество одного из наших наиболее чтимых поэтов, допускает самое разнообразное содержание. Д-р Беатти говорит по этому поводу следующее: — «Недавно я начал писать поэму в стиле Спенсера и его размером, и собираюсь дать в ней полную волю своим настроениям, быть или комичным или восторженным, переходить от спокойно описательного тона к чувствительному, от нежного к сатирическому — как вздумается, потому что, если я не ошибаюсь, избранный мною размер одинаково допускает все роды поэзии». Находя подтверждение себе у такого авторитетного судьи и имея за себя пример некоторых величайших итальянских поэтов, я не считаю нужным оправдываться в том, что ввел подобное же разнообразие в мою поэму; и если мои попытки не увенчались успехом, то в этом следует винить только неудачное выполнение замысла, а не строение поэмы, освященное примерами Ариосто,

Томсона и Беатти.

Лондон, февраль 1812 года.

Дополнение к предисловию

Я выждал, пока большинство наших периодических изданий посвятило мне обычное количество критических статей. Против справедливости большинства отзывов я не имею ничего возразить: мне было бы не к лицу спорить против легких осуждений, высказанных мне, потому что, в общем, ко мне отнеслись более доброжелательно, чем строго. Поэтому, выражая всем и каждому благодарность за снисходительность ко мне, я решаюсь сделать несколько замечаний только по одному пункту. Среди многих справедливых нападков на неудовлетворительность героя, «странствующего юного рыцаря» (я продолжаю настаивать, наперекор всем противоположным намекам, что это вымышленное лицо), указывалось на то, что помимо анахронизма, он еще к тому же совершенно не похож на рыцаря, так как времена рыцарства были временами любви, чести и т. д. Но дело в том, что доброе старое время, когда процветала «l'amour du bon vieux temps, l'amour antique», было самым

разнузданным из всех веков. Те, кто в этом сомневаются, пусть прочитают Сент-Палэ (Sainte Palaye), *passim*, и в особенности том II-й.⁶ Обеты рыцарства не более соблюдались тогда, чем всякие обеты вообще, а песни трубадуров были не более пристойны и во всяком случае гораздо менее изысканы по тону, чем песни Овидия. В так называемых «*cours d'amour, parlemens d'amour ou de courtoisie et de gentillesse*» любви было больше, чем учтивости или деликатности. Это можно проверить по Роланду, также как и по Сент-Палэ. Можно делать какие угодно упреки очень непривлекательному Чайльд-Гарольду, но во всяком случае он был настоящим рыцарем по своим качествам — «не трактирный слуга, а рыцарь-тэмплиер». Кстати сказать, я боюсь, что сэр Тристан и сэр Ланселот были тоже не лучше, чем их современники, хотя они и очень поэтичны, и

⁶ «Сент-Палэ в разных местах, особенно же в т. II, стр. 69».

Mémoires sur l'ancienne chevalerie, par M. de la Curne de SaintePalaye, P. 1781, II, 69: «Прочтите в романе о Жерарде Руссильонском, на провансальском языке, весьма обстоятельное описание приема, оказанного графом Жерардом посланнику короля Карла; вы найдете там замечательные подробности, дающие странное представление об этой эпохе, столь же развращенной, как и невежественной».

настоящие рыцари «без страха», хотя и не «без упрека». Если история об основании ордена подвязки не басня, то рыцари этого ордена носили в течение многих веков знак памяти о какой-нибудь графине Саллюсбюри, известность которой довольно сомнительна. Вот что можно сказать о рыцарстве. Бёрку нечего было жалеть о том, что рыцарские времена прошли, хотя Мария Антуанета была столь же целомудренна, как большинство тех, в чью честь ломались копья и сшибались с коней рыцари.

Еще до времен Баярда⁷ и до поры сэра Иосифа Банкаса (самого целомудренного и самого знаменитого рыцаря древних и новых времен) мало найдется исключений из этого общего правила, и я боюсь, что несколько более тщательное изучение того времени заставит нас не жалеть об этом чудовищном надувательстве средних веков.

Я предоставляю теперь «Чайльд-Гарольда» его судьбе таким, каков он есть. Было бы приятнее и, наверное, легче изобразить более привлекательное лицо. Нетрудно было бы затушевать его недостатки, заставить его больше

⁷ Баярд Пьер дю Тераиль (1476–1524) — французский полководец; с течением времени образ Баярда утратил свои реальные черты, воплотив в себе отвлеченный идеал рыцаря.

действовать и меньше выражать свои мысли. Но он не был задуман, как образец совершенства; автор хотел только показать в его лице, что раннее извращение ума и нравственного чувства ведет к пресыщению минувшими удовольствиями и к разочарованию в новых, и что даже красоты природы и возбуждающее действие путешествий (за исключением честолюбия, самого сильного стимула) не оказывают благотворного действия на такого рода душу, — или вернее на ум, направленный по ложному пути. Если бы я продолжил поэму, то личность героя, приближаясь к заключению, была бы углублена, потому что, по моему замыслу, он должен был бы, за некоторыми исключениями, стать современным Тимоном или, быть может, опозитизированным Зелуко.⁸

К ИАНТЕ⁹

⁸ Зелуко — ожесточенный и нравственно опустошенный герой одноименного романа английского писателя Джона Мура (1729–1802).

⁹ Ианта («цветок нарцисса») — критская девушка, невеста Ифиса (Овид., *Метаморф.*, IX, 714). Может быть, под влиянием байроновского посвящения имя Ианты явилось в поэме Шелли «Царица Маб» (1812, 1813); это же имя Шелли дал и своей старшей дочери (миссис Эсдэйль, род. 1813, ум.

Средь дальних странствий взор мой
привлекали
Красавиц чуждых дивные черты,
И в легком сне ко мне порой слетали
Воздушные создания мечты:
Всех прелестью живой затмила ты.
Не рассказать мне слабыми устами
О нежных чарах юной красоты.
Ты у одних — сама перед глазами,
Других лишь обману я бледными строками.
Когда б всегда осталась ты такой.

1876).

Посвящение относится к 13-летней Шарлотте Мери Гарлей, второй дочери Эдуарда, графа Оксфордского и Мортимерского. Она род. в 1801 г., а в 1823 вышла за капитана, впоследствии генерала, Антони Бэкона (ум. 1864), который вместе с «молодым, любезным Говардом» (см. Чайльд-Гарольд, III, XXIX) участвовал в последней, роковой атаке Ватерлоо. Леди Шарлотта Бэкон ум. 9 мая 1880 г. Байрон познакомился с нею, вероятно, при посещении ее родителей в Гирфордшире, в октябре — ноябре 1812 г. По просьбе Байрона, известный художник Ричард Вэстоль нарисовал воспроизведенный в настоящем издании прелестный портрет девушки; гравюра с портрета приложена была к изданию первых двух песен «Ч.-Гарольда» (1813), но без имени Шарлотты.

Сдержав весны цветущей обещанье!
Прекрасная и телом и душой, —
Ты на земле самой любви мерцанье,
Невинная, как юное мечтанье...
Для той, что нежный рост твой сторожит,
Ты — словно чистой радуги сиянье...
Та радуга ей счастье сулит,
Пред красками ее далеко скорбь бежит.

О, пери Запада! Доволен я судьбою:
Ты молода, мне ж вдвое больше лет.
Бестрепетно люблюсь я тобою,
Иной любви огня во взорах нет.
Я не увижу, как завянет цвет
Твоей красоты. Не стану я склоняться
Средь жертв твоих бесчисленных побед.
Не будет сердце кровью обливаться.
Ведь без страдания часы любви не длятся...

Как взгляд газели — взгляд твоих очей,
То робок он, то смелостью сверкает;
То манит он к себе сердца людей,
То красотой глаза их ослепляет.
Пускай же он по строкам тем блуждает,
Пускай улыбка, прелести полна,
В нем промелькнет... Пусть сердце не узнает,
Зачем тебе та песнь посвящена,
Но лилия в венок мой будет вплетена.

Что имя Ианты труд мой вдохновляло
Читатели Гарольда моего
Все будут знать: оно стоит сначала,
Его в конце забыть трудней всего...
Разбитой лиры друга своего,
Чья песнь теперь восторгом пламенеет,
Потом коснись, — и больше ничего
Моя надежда ожидать не смеет.
Ужели дружба прав на это не имеет?...

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I.

В Элладе ты слыла неборожденной,
О муза, дочь певцов! Так много лир
С тех пор терзало слух твой утомленный,
Что не дерзну я твой нарушить мир...
Хоть видел я твой храм — обломки зданья¹⁰

¹⁰ В подлиннике определенно назван Дельфийский храм.

«Деревушка Кастри стоит частью на месте Дельф. Вдоль горной тропинки, идущей от Криссо, находятся остатки могил, высеченных в скале или из камня. «Одна из них», говорил проводник, — «могила царя, сломавшего себе шею на

И твой ручей, что прерывал один
Забывших мест глубокое молчанье,
Чтоб скромное вести повествованье,
Покой усталых муз тревожить нет причин.

II.

Жил юноша в Британии когда-то,
Который добродетель мало чтил,
Он дни свои влачил в сетях разврата

охоте». Конечно, его величество выбрал самое подходящее место для такой кончины.

Несколько выше Кастри находится пещера, но преданию — пещера Пифии, огромной глубины; верхняя часть ее вымощена и теперь служит коровником. На другой стороне Кастри стоит греческий монастырь; несколько выше него находится расщелина в скале, с рядом пещер, доступ к которым затруднителен, ведущая, по-видимому, во внутрь горы, — вероятно, к Корикийской пещере, упоминаемой у Павзания. Отсюда берет начало источник и «Кастальская роса». (прим. Байрона).

Байрон и Гобгоуз ночевали в Криссе 15 декабря 1809 г. и на другой день посетили Дельфы. «Мы были орошены», говорит Гобгоуз, «брызгами бессмертного ручья, и здесь более, чем где-либо, должны были бы почувствовать поэтическое вдохновение; мы напились также и из самого источника, но — по крайней мере, я говорю о себе — не почувствовали ничего необыкновенного».

И ночи за пирами проводил;
Увы, разгул был для него кумиром;
Лишь пред пороком он склонялся ниц
И, презирая то, что чтится миром,
Доволен был лишь оргией иль пиром,
В кругу развратников и в обществе блудниц.

III.

Пред вами Чайльд-Гарольд.¹¹ Я не намерен

¹¹ В первоначальной редакции поэмы герой ее носил имя Childe Burun (Чайльд-Бэрон), которым как бы подчеркивалось автобиографическое значение этого произведения. В стихе:

Но всякое преступное деянье
Потомка загрязняет предков честь.

заключается указание на одно событие из семейной хроники Байронов. Дед поэта, Вильям, пятый лорд Байрон, смертельно ранил своего родственника Ча(э)ворта на поединке без свидетелей в одной из лондонских таверн (1765). Он был признан виновным в предумышленном убийстве, но, во внимание к его званию лорда, оставлен на свободе. Среди местных жителей он был известен под прозвищем «нечестивого лорда», и о нем ходило много рассказов, правдивых и выдуманных, изображавших его в дурном свете. Он умер в Ньюстэде в 1798 г.

Поведать вам, откуда вел он род;
Но этот род был знатен, чести верен
И заслужил в былые дни почет;
Но всякое преступное деянье
Потомка загрязняет предков честь
И обелить его не в состояньи
Ни летописца древнее сказанье,
Ни речь оратора, ни песнопевца лесть.

IV.

Кружился в свете он, как на просторе
Кружится мотылек среди лучей;
Не мог предвидеть он, что злое горе
Его сразит неожиданно в цвете дней;
Но вот година тяжкая настала:
Узнал он пресыщенье, а оно,
Как чаша бед, приносит мук не мало.
В краю родном Гарольду тесно стало;
Так в келье схимнику и душно, и темно.

V.

Грехов не искупая, он стезею
Преступной шел. Красивых славя жен,

Гарольд был очарован лишь одною,¹²
Но с ней, увы! не мог сойтися он...
Как счастливо, что ласкою разврата
Не запятнал он светлый свой кумир:
Измена за любовь была бы платой.
Жену б он разорил безумством траты
И вынести бы не мог семейной жизни мир.

VI.

Пресыщен всем, утратив счастья грезы,
Он видеться с друзьями перестал;
В его глазах порой сверкали слезы,
Но гордый Чайльд им воли не давал.
Объят тоской, бродил он одиноко,
И вот решился он свой край родной
Покинуть, направляясь в путь далекий;
Он радостно удар бы встретил рока
И скрылся б даже в ад, ища среды иной.

¹² Мэри Чаворт, о которой еще не раз будет речь. Ср. «Стансы к одной даме, при отъезде из Англии», «Сон» и биографию Байрона. Мэри-Анна Чаворт, внучка Чаворта, убитого в поединке лордом Вильямом Байроном в 1765 г., вышла замуж, в августе 1805 г., за Джона Местерса. Она умерла в феврале 1832 г.

VII.

Покинул Чайльд-Гарольд свой замок старый;
Под гнетом лет, казалось, рухнет он,
Его ж щадили времени удары:
Держался он массивностью колонн.
Там некогда монахи обитали,¹³
Теперь же суеверия приют
Театром стал пафосских сатурналий;
Могли б подумать старцы, что настали
Их времена опять, коль хроники не лгут.

VIII.

¹³ При прежнем владельце Ньюстада в озере найден был медный орел, внутри которого, в числе разных документов, оказалась жалованная грамота Генриха V, дающая «полное прощение за все преступления, совершенные монахами ранее 8-го минувшего декабря, за исключением убийств, если таковые совершены были после 19-го ноября». Монахи были постоянным источником разного рода забав для ньюстэдских «кутил». Френсис Годжсон насмешливо вспоминает о них в стихах «На развалинах аббатства в романтической местности»: «Утренний колокол, глухо раздаваясь в лесной просеке, уже не станет вызывать жирного аббата из его сонной кельи, предупреждая девицу (если только девица была там), что ей пора бежать», и пр.

Порою, словно тайну вспоминая,
Измену иль погибшую любовь,
За пиршеством, немую скорбь скрывая,
Сидел Гарольд, сурово хмуря бровь;
Но тайной оставалась тревога
Его души; друзьям он не вверял
Заветных дум и шел своей дорогой,
Советов не прося; страдал он много,
Но в утешениях отрады не искал.

IX.

Хоть он гостей сзывал к себе не мало
На пиршества, все ж не имел друзей;¹⁴

¹⁴ В изображении одиночества Ч.-Гарольда, покинутого друзьями, отразилась одна подробность из личной жизни Байрона: старый школьный товарищ отказался провести с ним последний день перед отъездом его в путешествие, повинившись в письме, что он обещал своей матери и нескольким дамам пойти с ними по магазинам. Это был, по всей вероятности, лорд Делавар. «О, дружба!» говорил Байрон Далласу. «Я не верю, чтобы здесь остался кто-нибудь, кроме вас и вашей семьи, да еще, может быть, моей матери, кто бы беспокоился обо мне». Впрочем, по замечанию Чарльза Лэмба, Байрона нельзя понимать слишком буквально. Конечно, он был огорчен поступком товарища, и впоследствии, с целью усилить трагическое положение

Льстецов и паразитов окружала
Его толпа; но можно ль верить ей?
Его любили женщины, как мота:
Сокровища и власть пленяют жен
(При золоте метка стрела Эрота);
Так рвутся к свету бабочки; оплота
Там ангел не найдет, где победит Мамон.

Х.

Гарольд не обнял мать, пускаясь в море,
С любимую сестрой в отъезда час
Не виделся;¹⁵ души скрывая горе,

Ч.-Гарольда, придал этому частному случаю общее значение.

¹⁵ В одной из зачеркнутых строф прощания Ч.-Гарольда (см. ниже) он жалуется, что не видел сестры своей «уж более трех лет». Августа Байрон (род. в январе 1783, ум. в ноябре 1851), единокровная сестра поэта, по смерти своей воспитательницы-бабушки, графини Гольдернес, жила с детьми своей матери, леди Чичестер и герцогом Лидсом, иногда же гостила у своего двоюродного брата, графа Карлейля, и в семье генерала Гаркорта. В 1807 г. она вышла за своего родственника, драгунского полковника Джорджа Ли (Leign). С конца 1805 г. Байрон находился с нею в более или менее постоянной переписке, но личных свиданий между ними не было.

Уехал он, с друзьями не простясь;
Не потому он избегал свиданья,
Что был и тверд, и холоден, как сталь,
Нет! Кто любил, тот знает, что прощанья
Усугубляют муку расставанья...

Лишь горестней нестись с разбитым сердцем в
даль.

XI.

Богатые владенья, замок старый
Покинул он без вздохов и без мук,
Голубооких дам, которых чары,
Краса кудрей и белоснежных рук
Могли б легко отшельника святого
Ввести в соблазн, — все то, что пищу дать
Порывам сладострастия готово...
Ему хотелось мир увидеть новый
И, посетив Восток, экватор миновать.¹⁶

¹⁶ «На ваше замечание о выражении: «Central line (центральная линия, т. е. экватор) я могу ответить только, что до отъезда своего из Англии Ч.-Гарольд имел твердое намерение проехать в Персию и вернуться через Индию, чего он не мог бы сделать, не пересекая экватора», писал Байрон Далласу 7 сент. 1811. О своем намерении поехать в Персию в марте или не позже мая 1809 г. Байрон говорит в письме к матери от 7 октября 1808 г.

ХII.

Надулись паруса; как будто вторя
Его желаньям, ветер резче стал;
Поплыл корабль, и скоро в пене моря
Бесследно скрылся ряд прибрежных скал.
Тогда в душе Гарольда сожаленье
Проснулось, может быть; но ничего
Он не сказал и скрыл свое волненье,
Он твердым оставался в то мгновенье,
Как малодушный плач звучал вокруг него.

ХIII.

В вечерний час, любуясь закатом,
Он арфу взял; под бременем тревог
Любил он волю дать мечтам крылатым,
Когда никто внимать ему не мог;
И вот до струн коснувшись рукою,
Прощальную он песню затянул,
В то время, как корабль, в борьбе с волною,
Катился в даль, и, одеваясь тьмою,
Его родимый край в пучине вод тонул.

ПРОЩАНИЕ ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА

1.

Прости! Родимый берег мой
В лазури тонет волн;
Бушует ветер, ревет прибой;
Крик чайки грусти полн.
В пучине солнце гасит свет;
За ним нам вслед идти;
Обоим вам я шлю привет!
Мой край родной, прости!

2.

Нас ослепит зари краса,
Лишь мир простится с тьмой;
Увижу море, небеса,
Но где ж мой край родной?
Мой замок пуст; потух очаг;
Весь двор травой зарос;
Уныло воеет в воротах
Покинутый мной пес...

3.

— Малютка паж!¹⁷ под гнетом дум
Ты плачешь, горя полн;
Тебя страшит ли ветра шум,
Иль грозный ропот волн?
Не плачь! Корабль надежен мой...
Он быстро мчится в даль,
За ним и сокол наш лихой
Угонится едва ль.

4.

«Пускай бушует шквал, ревя, —

¹⁷ Это был Роберт Руштон, сын одного из ньюстэдских фермеров. «Роберта я возьму с собой», писал Байрон матери, перед отъездом, из Фальмута, 22 июня 1809 г. «я его люблю, потому что и у него, как и у меня, кажется, вовсе нет друзей. Скажите г. Руштону, что сын здоров и ведет себя хорошо». Однако мальчик так затосковал по родине, что Байрону пришлось уже из Гибралтара отправить его домой, под наблюдением старого слуги Джозефа Муррея, который провожал Байрона до этого пункта. При этом Байрон написал отцу Роберта письмо, в котором очень хорошо отозвался о поведении мальчика и назначил на расходы по его воспитанию 25 ф. в год на три года.

Я бури не боюсь!
Но не дивись, сэръ Чайльд, что я
И плачу и томлюсь.
С отцом и с матерью родной
Расстаться ль без тревог?
Моей опорой одной
Остались ты да Бог!

5.

Благословил отец меня,
Но слезы мог сдержать;
Пока ж не возвращуся я,
Все будет плакать мать».
— Пусть скорбь мрачит твои черты.
Дитя! когда б я был
Душой невинной чист, как ты,
И я бы слезы лил.

6.

Ты бледен, верный мой слуга,¹⁸

¹⁸ Слуга Байрона Вильям Флетчер. Он служил поэту 20 лет, ухаживал за ним во время его предсмертной болезни и привез его останки в Англию. Байрон нередко подшучивал

Тебя печаль гнетет...
Боишься ль встретить ты врага,
Боишься ль непогод?
— «О, нет, я с страхом незнаком,
Он чужд душе моей;
Но жаль жены; покинув дом,
Я все скорблю о ней.

7.

Она близ замка твоего
Живет; что ей сказать,
Коль дети спросят, отчего

над своим верным «йоменом». Так, напр., в одном из писем к матери он говорит: «Флетчер не из храброго десятка; он требует таких удобств, без которых я могу обойтись, и постоянно вздыхает о пиве, говядине, чае, о своей жене и черт знает, о чем еще. Однажды ночью мы были захвачены грозой, а в другой раз чуть не потерпели кораблекрушения. В обоих случаях он совершенно растерялся: в первый раз — от страха голода и бандитов, а во второй — от страха утонуть. Глаза у него немного распухли, — не то от молнии, не то от слез, не знаю, отчего. Я всячески старался его утешить, но он оказался неисправным. Он посылает шесть вздохов своей Салли (Саре, жене). Я поселю его на ферме: он был мне верным слугой, и Салли — хорошая женщина». Впоследствии, после разных приключений на суше и на море, Флетчер открыл в Лондоне «итальянскую» лавочку.

С отцом в разлуке мать?»
— Ты прав; понятна скорбь твоя,
Мне ж ничего не жаль...
Не так душою нежен я
И мчусь со смехом в даль.

8.

Коварным вздохам лживых жен
Возможно ль верить? Нет!
Измена, что для них закон,
Их слез смывает след.
Я не тужу о дне былом
И не страшуся гроз.
Больней всего, что ни о чем
Не стоит лить мне слез.¹⁹

9.

¹⁹ «Я покидаю Англию без сожаления, и вернусь туда без радости», писал Байрон Годжсону из Фальмута, 25 июня 1809. «Я похож на Адама, — первого человека, осужденного на изгнание, но у меня нет Евы, и я не ел яблоков, кроме диких и кислых». В другом письме к тому же лицу, из Лиссабона, читаем: «Все, что угодно, лучше Англии, — и до сих пор я бесконечно радуюсь своему путешествию».

Я одинок; среди волн морских
Корабль меня несет;
Зачем мне плакать о других:
Кто ж обо мне вздохнет?
Мой пес, быть может, два, три дня
Повоет, да и тот,
Другим накормленный, меня
Укусит у ворот.²⁰

10.

Корабль! валы кругом шумят...
Несися с быстротой!
Стране я всякой буду рад,
Лишь не стране родной.
Привет лазурным шлю волнам!
И вам, в конце пути,
Пещерам мрачным и скалам!
Мой край родной, прости!

²⁰ «Я не намерен переделывать 9-ю строфу Прощания», писал Байрон Далласу, 23 сентября 1811: «у меня нет основания считать свою собаку лучше прочих скотов — людей; а рассказы об Аргусе, как известно, — миф».

XIV.

Средь бурных волн Бискайского залива
Плывет корабль; уж пятый день земли
Не видно; наконец, вот миг счастливый:
Желанный берег светится вдали.
Здесь Цинтрских гор блестит хребет
зубчатый;²¹

Там океану Того дань несет;²²
Явился местный лоцман провожатый
И Чайльд-Гарольд поплыл к стране богатой,
Где нивы тучные дают обильный плод.

XV.

О Боже! благодатными дарами
Ты этот край волшебный наделил!

²¹ «Иглоподобные» вершины Цинтры (вернее Синтры), на сев. — зап. от Лиссабона, видны с устья р. Тахо.

²² Ср. Овидия, *Amores*, I, 15, и Плиния, *Hist. Natur.*, IV, 22. Небольшие крупинки золота и до сих пор еще находятся в песке Тахо; но их количество совершенно незначительно как, вероятно, было и в древности.

В садах деревья гнутся под плодами,
В его горах Ты мир сокровищ скрыл;
Но разрушать то супостаты рады,
Что создал Ты: страну надменный враг
Поработил, не ведая пощады...
Брось на врага карающие взгляды,
И побежденный галл повергнут будет в прах.

XVI.

Своей неопишуемой красою
Вас Лиссабон всегда пленить готов,
Волшебно отражаемый рекою,
Что чар полна и без прикрас певцов.
Могучий флот по ней несется ныне:
Пришел спасти от галлов Альбион
Тех мест незащищенные твердыни;
Но лузитанец дик и полн гордыни,²³ —

²³ Ср. «Проклятие Миневры». В первоначальном тексте строф XV и XVI были еще более резкие выражения, смягченные, вероятно по совету Далласа.

«Сравнивая XVI-ю и следующие 13 строф поэмы с письмами Байрона к матери о своем путешествии, читатель убедится (говорит Томас Мур), что эти строфы являются верным отголоском впечатлений, произведенных на поэта местностями, в которых он побывал».

Он. Ту длань, что держит меч, с проклятьем лижет

XVII.

Прелестный город, кажущийся раем
Издалека, вблизи совсем иной;
Войти в него — и он неузнаваем;
Средь стен его турист объят тоской.
И хаты, и дворцы, все без изъятья,
Купаются в грязи; их вид убог.
В лохмотьях и вельмож, и нищих платье;
О чистоте так смутны их понятия,
Что с ней и страх чумы сроднить бы их не

мог.

XVIII.

Кто не жалел, любуясь этим краем,
Что он принадлежит толпе рабов!
На Цинтру бросьте взоры; всякий с раем²⁴

²⁴ «Деревня Синтра, милях в пятнадцати от Лиссабона, — может быть, красивейшее во всех отношениях место в Европе», писал Байрон своей матери из Гибралтара, 11 августа 1809 «здесь можно видеть красоту всякого рода —

Тот светлый уголок сравнить готов;
Везде в нем дышит прелесть неземная
Но ни перу, ни кисти средства нет
Понятя дать о нем; страна такая
Собою затмевает кущи рая,
Что в пламенных стихах нам описал поэт.

XIX.

Крутой утес с красивым рядом келий;
Сожженный солнцем мох на скатах круч;
Лес, выросший над бездной; мрак ущелий,
Куда не проникает солнца луч;
Лимонов золотистые отливы;
Лазурь морской волны, что сладко спит;
Несущийся с горы поток бурливый;

природную и искусственную, дворцы и сады, возвышающиеся посреди утесов, водопадов и пропастей, монастыри на страшной высоте, обширный вид на море и на Тахо... Дикость западной горной Шотландии соединяется здесь с зеленью южной Франции. Неподалеку отсюда, миль за десять вправо, дворец Мафра, гордость Португалии; его величественным видом и изяществом могла бы гордиться и любая страна»... Соути, редко в чем согласный с Байроном, также писал, возвратясь из своего путешествия по Испании (1801), что «по красоте все английские, а может быть и все вообще виды должны уступить первенство Синтре».

Здесь виноград, там возле речки ивы, —
Все это тешит взор, сливаясь в чудный вид.

XX.

Тропинкою взберитесь до вершины
Крутой горы, где иноки живут;
Что шаг вперед — то новые картины...
А вот и монастырь;²⁵ вас поведут
Осматривать его; монахи с верой
При том легенд вам много сообщат:
Здесь смерть нашли за ересь лицемеры,

²⁵ «Монастырь «Скорбящей Божией Матери», Nossa Señora de Pena, на вершине скалы. Внизу, на некотором расстоянии, находится Пробковый монастырь, где св. Гонорий вырыл себе пещеру, над которою находится его эпитафия. С холмов видно море, отчего пейзаж становится еще красивее». (Прим. Байрона к 1-му изданию). «После напечатания этой поэмы мне было указано (Вальтер Скотом) на ошибочный перевод названия Nossa Senhora de Pena; я опустил «тильду», значок над буквой n, от которого изменяется значение слова: со значком peña значит скала, а без значка — репа — скорбь. Я не считаю, однако, необходимым исправлять это место, так как хотя монастырь и называется в общежитии обителью «Божией Матери на скале», но я могу допустить и другое наименование — от суровости принятых здесь правил жизни». (Прим. Байрона ко 2-му изданию).

А там Гонорий жил на дне пещеры.²⁶
Он, чтоб увидеть рай, из жизни сделал ад.

XXI.

Средь этих мест встречается не мало
Таинственных крестов,²⁷ — их целый ряд;
Но те кресты не вера воздвигала:
Они лишь об убийствах говорят.
Обычай здесь на месте преступленья,
Там, где звучал последний жертвы стон,

²⁶ На камне над пещерою высечена надпись в память Гонория (ум. в 159 г., 95 лет).

*Hic Nononus vitam finivit
Et ideo cum Deo in coelis revivit.*

²⁷ В рукописи — заметка Гобгоуза: «Я не помню там никаких крестов». Эти кресты не произвели на Гобгоуза никакого впечатления, так как он понял, что это — просто путевые знаки. Мэтью Льюгас объясняет в *Athenaeum*, 19 июля 1873, что направление неровной и извилистой тропинки, идущей по горе к монастырю от большой дороги, обозначено многочисленными крестами, которые Байрон по ошибке счел памятниками будто бы совершенных там убийств.

Досчатый ставит крест; не исключенья
Убийства там, где, потеряв значенье,
Не в силах граждан жизнь оберегать закон.²⁸

XXII.

По горам и долам здесь красовались
Чертоги королей, но дни чредой
Прошли, и что ж? — руины лишь остались,
Заросшие кустами и травой.

28 «Хорошо известно, что в 1809 году на улицах и в окрестностях Лиссабона совершались португальцами убийства, жертвами которых были не местные жители, а англичане; их резали чуть не каждый день, и мы не только не получали удовлетворения, но, напротив, нам не позволяли даже вмешиваться, когда мы встречали соотечественника, защищавшегося против своих «союзников». Однажды меня, вместе с моим другом, остановили на людной улице, против открытого магазина, в восемь часов вечера, когда мы ехали в коляске в театр; по счастью, мы были вооружены; не будь этого, — я нисколько не сомневаюсь, что мы послужили бы «украшением рассказа» вместо того, чтобы самим об этом рассказывать. Эти преступления не ограничиваются одной только Португалией; в Сицилии и на Мальте нас убивают, средним числом, по одному каждую ночь, — и ни один сицилианец или мальтиец никогда не бывает наказан!». (Прим. Байрона).

Вот пышный замок принца. Здесь когда-то
И ты, Ватек, любивший роскошь бритт,²⁹
Дворец построив, зажил в нем богато...
Но ты забыл, что от утех разврата
И сладострастья чар душевный мир бежит.

XXIII.

Ты выбрал, чтоб предаться светлым чарам
Земных утех, тот чудный уголок,
Но, пораженный времени ударом,
Теперь, как те, твой замок одинок.

²⁹ «Ватек» — восточная сказка Вильяма Бекфорда, напеч. по-французски в 1784 и по-английски в 1787 г. Байрон очень ценил это произведение. «Я не знаю», говорил он в одном из своих дневников, «откуда автор почерпнул свой рассказ; но по верному изображению обычаев, по красоте описаний и силе фантазии он превосходит все европейские подражания восточному и отличается такою оригинальностью, что кто бывал на Востоке, может подумать, что это — просто перевод». Автор этой сказки, Вильям Бекфорд (1760—1844), сын лондонского лорда-мэра, 18-ти лет от роду получил в наследство миллион фунтов наличными и 100 тыс. ф. годового дохода и был, действительно, в свое время, богатейшим человеком в Англии. Он много путешествовал и, между прочим, провел два года (1794—96) в уединении, в Кинта да-Монсеррате, в трех милях от Синтры.

Его порталы настезь; пусты залы;
От зарослей к дворцу проезда нет.
О, Боже, как ничтожны мы и малы!
Придет пора: дворца как не бывало,
Пронесется года, его сметая след...

XXIV.

А вот дворец, который с гневным взглядом
Встречает бритт. Когда-то в замке том
Сбиралися вожди; рожденный адом,
Сидел там карлик-черт; одет шутом,
Пергаментною мантией покрытый,
В руке держал он свиток. Имена
Там значились, что в свете знамениты;
Гордяся свитком тем, с враждой открытой
Над победителем смеялся сатана.³⁰

30 «Синтрская конвенция была подписана во дворце маркиза Мариальвы. Позднейшие подвиги лорда Веллингтона загладили этот неразумный поступок. Веллингтон действительно сотворил чудеса: может быть, он даже изменил характер нации, примирил предрассудки соперников и уничтожил замыслы неприятеля, никогда не отступавшего пред его предшественниками». (Прим. Байрона).

«Перемирие, переговоры, конвенция, исполнение ее постановлений, — все это началось, происходило и закончилось на расстоянии тридцати миль от Синтры и не

XXV.

Конвенцией он звался. Перед светом
Там собранных вождей он осрамил,
Смутил их ум (но грешен ли он в этом?)
И радость бритта в горе превратил.
Победный лавр попрали дипломаты;
Тот чудный лавр, увы! носить не нам
С тех пор, как в Лузитании богатой
Узнали мы, врагов коварством смяты,
Что победителям, не побежденным, срам.

XXVI.

При имени твоём бледнеют бритты,
О, замок Цинтры! Краскою стыда
Зарделись бы правителей ланиты,
Умей они краснеть. Пройдут года
И все ж потомство, полное презренья,

имело с этим пунктом ни малейшей связи, — ни политической, ни военной, ни местной. Тем не менее, лорд Байрон написал, что конвенция была подписана во дворце маркиза Мариальвы в Синтре» (Napier, History of the Peninsular War I, 161).

Позора не забудет тех вождей,
Что, победив, узнали поражение...
Их ожидают в будущем глумленья
И гневный приговор суда грядущих дней.³¹

³¹ 21 августа 1808 г. сэр Гарри Беррард (1755–1813) был назначен главнокомандующим на место сэра Артура Уэллесли (впоследствии Веллингтон), который в тот же день разбил Жюно при Вимиере. Немедленно Беррард отменил приказ Уэллесли преследовать неприятеля и не воспользовался победой. На следующий же день (22 авг.) на место Беррарда был назначен сэр Гью Дэльримиль, а 23го генерал Келлерман сообщил англичанам предложения Жюно, которые, неделю спустя, были оформлены в так наз. синтрской конвенции, подписанной Келлерманом и Уэллесли. Когда в Англии получено было известие о том, что войска Наполеона были отражены с потерями и что французы, несмотря на это, все-таки получили возможность благополучно выступить из Португалии, генералы подверглись громкому и общему порицанию. Вмешательство Беррарда в планы Уэллесли, конечно, было необдуманно и несвоевременно; но когда уже упущен был удобный момент для преследования неприятеля, тогда принятие предложений Жюно стало уже неизбежным. Военный совет, созванный в Лондоне в январе 1819 г., утвердил перемирие 22 августа и конвенцию; но ни Дэльримпль, ни Беррард уже не получили командования, и только сражение при Талавере (28 июля 1809) изгладило память о Синтре и восстановило репутацию Уэллесли.

Строфы XXIV–XXVI в первоначальной рукописи поэмы имели иную, более распространенную редакцию. Они были

переделаны Байроном по настояниям его друзей.
Вот их первоначальный текст:.

Вот золотом, потомству в поученье,
Начертан в списке господин Жюно;
И прочие не лишены значенья,
Но в стих вместить их было б мудрено.
Победой обольщенные, давно
Они за подвиг лавров ожидали
И были одурачены равно.
Сэр Артур, Гарри и Дэльримиль попали
В тенета злых врагов, которым доверяли.

II.

Конвенцией зовется демон злобный,
Что в Мариальве рыцарей смутил,
Отняв их ум (коль был у них
подобный),
И радость нашу в горе обратил.
Когда газетный лист нам сообщил,
Что бросил галл равнину Вимиеры,
Наперерыв тут каждый заспешил —
Все «Хроники», и «Почты», и
«Курьеры» —
Торжествовать врагов победу свыше
мер.

III.

Вдруг привела конвенция в движенье
Все перья, руки, ноги, языки;
Мэр, альдермэн забыли угощенье;
Церковные проснулись парики,
И Коббет сам, молчавший от тоски
Семь дней, вскочил в порыве
чудотворном,
Крича, что могут только дураки

XXVII.

Так думал Чайльд, один бродя по горам;
Хоть местностью был очарован он,
Но все же об отъезде думал скором:
Так век порхать для ласточки закон.
Тяжелых дум он здесь изведаль много
И пожалел, немой тоской объят,
Что долго шел греховною дорогой;
К проступкам он своим отнесся строго:
От света истины померк Гарольда взгляд.

Себя связать условием позорным.
Мычащий зверь взревел — и сном
заснул покорным.

IV.

Все вопияли к Небу... Слыша глас
Короны нашей преданных вассалов,
Решило Небо строго в тот же час
Расследовать поступки генералов.
Но Милость их взяла под свой покров,
Зане они врагов своих щадили
(Иль милостивы судьбы к Бингу были?)
Закон для плутов, не для дураков.
Итак, друзья, — живите на здоровье,
Благословляя судей хладнокровье.

XXVIII.

Верхом! верхом!³² — он крикнул и поспешно
Прелестной той страны покинул кров;
Но он уж не влеком мечтою грешной:
Не ищет ни любовниц, ни пиров...
Несется он таинственной дорогой,
Не ведая, где пристань обретет;
Он по свету скитаться будет много;
Не скоро в нем уляжется тревога,
Не скоро с опытом знакомство он сведет.

XXIX.

Вот Мафра, где, судьбы узнав измену,
Царица Лузитании жила;³³

³² Байрон и Гобгоуз отплыли из Фальмута 2 июля 1809 г., прибыли в Лиссабон 6-го или 7-го, а 17-го из Альдеи Гальбеги («первая станция от Лиссабона, куда можно попасть только водой») поехали верхом в Севилью. «Лошади здесь превосходные, — мы проезжали по 70 миль в день», писал Байрон Годжсону и своей матери, 6 и 11 авг. 1809.

³³ «Размеры Мафры громадны: в ней помещаются дворец, монастырь и великолепная церковь. Шесть органов по своему изяществу красивее всех, когда-либо иною виденных; мы их

Там оргии обедням шли на смену
И дружбу знать с монахами вела.
Блудницы Вавилона светлый гений
Сумел такой воздвигнуть здесь чертог,
Что ряд ей совершенных преступлений
Забыт толпою; люди гнут колени
Пред блеском роскоши, что золотит порок.

XXX.

Гарольд вперед несется, очарован
Красой холмов, ущелий и долин...
Не горестно ль, что цепью рабства скован

не слышали, но нам говорили, что их звук соответствует их красоте. Мафру называют португальским Эскуриалом» (Прим. Байрона).

Мафра построена (1717–1730) королем Жуаном V.

«Несчастливая королева впоследствии совершенно сошла с ума, и доктор Уиллис, который вообще очень удачно справлялся с королевскими головами, ничего не мог с нею сделать». (Прим. Байрона).

Мария I (1734–1816), бывшая женою своего дяди, Педро III, царствовала сначала вместе с ним (1777—86), а потом одна. Смерть супруга, любимого духовника и затем — сына так на нее подействовала, что королева впала в меланхолию. После 1791 г. она была королевой уже только номинально, а в 1799 г. ее сын Мария-Хосэ-Люис был назначен регентом.

Тот светлый край? Лишь сибарит один,
Поклонник ярый комфорта и лени,
Не знает, как отраден дальний путь.
Не мало нам дарит он наслаждений,
Глубоких дум и новых впечатлений;
Как свежий воздух гор живит больную грудь.

XXXI.

Уж Чайльд-Гарольд вершин не видит
снежных

Высоких гор, что скрылись без следа,
В Испании среди степей безбрежных
Овец пасутся ценные стада;
Но близок враг; ему чужда пощада
И потому пастух вооружен;
В обиду своего не даст он стада;
Всем гражданам с врагом бороться надо,
Чтоб гордо властвовать не мог над ними он.

XXXII.

Что земли лузитанцев разделяет
С Испанией? Китайская ль стена?
Сиерра ли там скалы возвышает,
Иль льется Того светлая волна?

Разделены те страны не стеною,
Что их вражде могла платить бы дань,
Не быстро протекающей рекою,
Не цепью гор высоких, сходной с тою,
Что южной Галлии указывает грань.

XXXIII.

Нет, ручейком ничтожнейшим;³⁴ со стадом
Является пастух порою там,
Презрительным окидывая взглядом
Места, принадлежащие врагам.
Простолюдины горды как вельможи
В Испании: понятна их вражда;
Ведь с ними лузитанцы мало схожи:
Они — рабы, при этом трусы тоже;
Рабов подлее их найти не без труда.

XXXIV.

³⁴ Если Байрон (ср. строфу XLIII) на пути из Лиссабона в Севилью проезжал по равнине Альбуэры, то он должен был переехать через испанскую границу между Эльвасом и Бадахосом. В таком случае «ручеек» есть речка Кайя.

Воспетая в балладах, Гвадиана,³⁵
Пугая взоры мрачною волной,
Близ этих мест течет. Два вражьих стана,
Когда-то здесь сойдясь, вступили в бой.
Здесь рыцари, чтоб счет окончить старый,
Настигли мавров. Долго бой кипел;
Удары наносились за удары;
Чалма и шлем, во время схватки ярой,
Встречались в реке, где плыли груды тел.

XXXV.

О край, стяжавший подвигами славу!
Где знамя, что Пелаг в боях носил,³⁶

35 Байрон, по-видимому, уже успел настолько ознакомиться с испанским языком, что был в состоянии понимать и ценить произведения народной поэзии, не имеющей себе ничего подобного в Европе. Он перевел одну из лучших баллад о гренадской войне, «Romance muy doloroso del sitio y toma de Alhama».

36 «Дочь графа Юлиана, испанская Елена. Пелайо отстаивал свою независимость в крепостцах Астурии, а потомки его наследников, спустя несколько столетий, завершали свою борьбу с маврами завоеванием Гренады» (Прим. Байрона).

«Почти все испанские историки, а также и народное

Когда отец-изменник, мстя за Каву,
В союзе с мавром, готам смерть сулил?
Ты за погром сумел отмстить жестоко...
Близ стен Гренады враг был побежден;
Померкла пред крестом луна пророка;
Умчался враг, и в Африке далекой
Стал мавританских дев звучать унылый стон.

предание, считают причиной нашествия мавров насилие, совершенное королем Родригом над Флориндой, которую мавры звали Кабой или Кавой. Это была дочь графа Юлиана, одного из главных готских полководцев, которому поручена была оборона Сеуты против мавров. Оскорбленный неблагодарностью своего государя и позором дочери, граф Юлиан забыл долг христианина и патриота и, вступив в союз с Мусой, наместником калифа в Африке, поддержал вторжение в Испанию сарацин и африканцев под начальством знаменитого Тарика. Результатом этого вторжения было поражение и смерть Родрига и занятие маврами почти всего полуострова. Испанцы ненавидят память Флоринды и, по словам Сервантеса, никогда не дают этого имени женщине, называя им только собаку (Примеч. Вальтер Скотта. Ср. Пушкина, «Родриг»).

«Крест Победы», сделанный из астурийского дуба и служивший знаменем для Пелайо (Пелага) в сражении с маврами при Кангасе (718 г.), по преданию, упал с неба. Он хранится в Овьедо. Мавры были окончательно изгнаны из Гренады в 1492 г., в царствование Фердинанда и Изабеллы.

XXXVI.

Тем подвигом все песни края полны;³⁷
Таков удел деяний прежних лет;
Когда гранит и летопись безмолвны,
Простая песнь их сохраняет след.
Герой, склонись пред силой песнопенья!
Ни лесть толпы, ни пышный мавзолей
Тебя спасти не могут от забвенья;
Порой историк вводит в заблужденье,
Но песнь народная звучит в сердцах людей.

XXXVII.

«Испанцы, пробудитесь!» Так зывают
К вам рыцари, кумиры дней былых;
Хоть копыя в их руках уж не сверкают
И красных перьев нет на шлемах их,
В дыму, под рев орудий непрерывный,
Их грозный зов звучит: «Вооружась,
Воспряньте все!» — исполнен силы дивной,
Ужель утратил власть тот клич призывный,
Что в Андалузии сроднил с победой вас?

³⁷ Намек на романсеро и рыцарские поэмы (cabellerias) XVI века.

XXXVIII.

Чу! конский топот слышен среди проклятий;
Кого окровавленный меч настиг?
Ужель спасти вы не пойдете братий
От деспотов и от клеветов их?
Грохочут пушки; залпов их раскаты
Зловеще эхом гор повторены,
Они твердят о том, что смертью взяты
Ряды бойцов. Все ужасом объаты,
Когда является во гневе бог войны.³⁸

XXXIX.

Кровавыми сверкая волосами,
С горы на бойню смотрит исполин;
Он все сжигает гневными очами
И в царстве смерти властвует один.

³⁸ Death ride upon the sulphury Siroc, т. е. смерть верхом на удушливом (сернистом) Сирокко.

«Сирокко — сильный горячий ветер, дующий по целым неделям в Средиземном море от Архипелага. Его свойства хорошо известны всем, кто проезжал через Гибралтарский пролив». (Прим. Байрона).

С ним рядом разрушенья дух лукавый,
Что чувствовать победы будет зла.
Сегодня три могучие державы
Сойдутся здесь и вступят в бой кровавый;
Как счастлив исполин, — ему лишь кровь
мила!

XL.

Когда средь войск ни друга нет, ни брата,
Вас может восхитить сраженья вид;
Как рати разукрашены богато!
Как весело оружие блестит!
Подобно стае псов, что травле рада,
Несется войско бешено вперед;
Но будет ли для многих лавр наградой?
Храбрейшие погибнут в пекле ада:
Бог брани, с радости, всех павших не сочтет.

XLI.

Три армии стеклись сюда для битвы;
Внушительен знамен трех наций вид!
Звучат на трех наречиях молитвы.
Сюда сошлись: испанец, галл и бритт,
Союзник-друг, услужливый без меры

(Не лучше ли в своей отчизне пасть?).
Войска, являя храбрости примеры,
Удобряют только нивы Талаверы
И хищных воронов накормят кровью
всласть.³⁹

XLII.

Здесь павшие сгниют; гнались за славой
Безумцы, что искали громких дел;

³⁹ Сражение при Талавере началось 27-го июля 1809 и продолжалось два дня. Так как Байрон приехал в Севилью, вероятно, 21-го или 22-го, то он не мог быть очевидцем какой-либо части этого сражения. В письме к матери от 11-го августа он говорит: «Вы слышали о сражении близ Мадрида. В Англии назовут его победой, — хороша победа! Двести офицеров и пять тысяч солдат убито, — и все англичане, а у французов силы не убавилось. Я хотел было присоединиться к армии, по нам надо торопиться к Средиземному морю».

В письме к полковнику Малькольму от 3-го дек. 1809 Веллингтон сознается, что результат сражения был скорее нравственный, чем материальный. «Сражение при Талавере, без сомнения, было одно из самых тяжелых сражений в наше время. Жаль, что вследствие несчастной негодности испанцев... слава есть единственный результат, нами достигнутый. Мне предстоит очень трудная задача... При таких обстоятельствах можно потерпеть поражение, но нечестно было бы отклоняться от своего долга».

Они ж служили деспоту забавой.
Он пролагал свой путь чрез груды тел.
Какой же был тот путь? — лишь путь обмана.
Найдется ли на свете уголок,
Что был бы принадлежностью тирана?
Его лишь склеп, где, поздно или рано,
Предастся тленью он, забыт и одинок.

XLIII.

О, Албуэра! славу и кручину
Ты сочетала. Мог ли мой герой
Предвидеть, чрез твою несясь равнину,
Что скоро в ней кровавый грянет бой?
Пусть павшие вкушают мир забвенья!
Победный лавр пусть радует живых!
Великий день! До нового сраженья
Толпы ты будешь слышать прославленья
И воспоеет тебя поэт в стихах своих...⁴⁰

⁴⁰ Сражение при Альбуэре (16-го мая 1811), где англичане, под начальством лорда Бирсфорда, разбили Сульта, было своего рода Пирровой победой. «Еще одно такое сражение и мы пропали», писал Веллингтон. «Большого труда стоит мне все опять поправить». Говорят, что французы потеряли в этом сражении от 8 до 9 тыс. человек, англичане — 4158, испанцы — 1365. Альбуэра прославлена Вальтер Скоттом в его «Видении короля Родерика». В октябре 1811 вышла

XLIV.

Довольно воспевать любимцев брани;
Победный лавр их не продолжит дней;
Чтоб мир узнал о славе их деяний,
Должны погибнуть тысячи людей.
Пуускай наемщик гонится за славой
И, веря ей, кончает жизнь в бою:
Он дома мог бы в свалке пасть кровавой
Иль, очернен разбойничьей расправой,
Тем опозорить бы отчизну мог свою!

XLV.

Гарольд затем направил путь к Севилье;⁴¹

анонимная поэма: «Сражение при Альбуэре».

⁴¹ «В Севилье», писал Байрон матери в августе 1809 г., — «мы жили в доме двух незамужних испанок, женщин с характером. Старшая — красавица, младшая недурна. Свобода обращения, здесь общепринятая, меня нисколько не удивила; а из дальнейших наблюдений я убедился, что сдержанность не составляет отличительной черты испанских красавиц. Старшая почтила вашего недостойного сына совершенно особым вниманием, с большою нежностью

Она еще свободна от цепей,
Но ей грозят погибель и насилье,
И не спастись от разрушенья ей:
Враги уж в расстояньи недалеком...
Не пали бы ни Илион, ни Тир,
Когда б бороться можно было с роком
И, злобно издеваясь над пороком,
Пред Добродетелью склонялся б грешный
мир.

XLVI.

Но граждане Севильи, бед не чуя,⁴²
По-прежнему разгулу преданы
И дни проводят, радостно ликуя;

обняла его при отъезде (я пробыл там всего три дня), отрезала прядь его волос и подарила собственный локон, фута в три длину, который я вам посылаю и прошу сберечь до моего возвращения. Ее последние слова были, «Adios, tu hermoso; me gusto mucho», — прощай: красавец; ты мне очень понравился!»

⁴² В конце января 1810 г. французские войска подошли к Севилье; этот веселый город не последовал примеру Сарогосы и Хероны и после непродолжительных переговоров сдался со всеми своими запасами, пушечными заводами и полным арсеналом.

Им дела нет до язв родной страны!
Звучит не бранный рог, а звон гитары;⁴³
Веселию воздвигнут здесь алтарь;
Грехи любви, что не боятся кары,
Ночной разврат и сладострастья чары
В Севилье гибнущей все царствуют, как
встарь.

XLVII.

Не так живет крестьянин; он с женою
Скрывается, боясь взглянуть на дол,
Что может быть опустошен войною...
Прошла пора, когда он бодро шел
В вечерний час домой, покинув нивы,
И танцевал фанданго при луне.
Властители! когда б тот мир счастливый,
Что вы губить не прочь, вкусить могли вы,
Народ бы ликовал, не слыша о войне.

XLVIII.

⁴³ Гитара — не точный перевод. В подлиннике Rebeck — музыкальный двухструнный смычковый инструмент, занесенный в Испанию, как полагают, маврами.

Лихой погонщик, мчась дорогой ровной,
Поет ли песнь возлюбленной своей,
Кантату ль в честь любви, иль гимн
духовный?

Нет, он теперь поет *Viva el Rey!*⁴⁴
Воинственны слова его напева,
Годоя⁴⁵ он клянет за лживый нрав;

44 «*Viva eu Roy Fernando!*» — да здравствует король Фердинанд! — припев большей части испанских патриотических песен. В них, главным образом, осуждается старый король Карл, королева и «князь мира». Я слышал их много; напев некоторых из них красив. «Князь мира» Годой, потомок древней, но захудавшей фамилии, родился в Бадахосе, на границе Португалии, и сначала служил в рядах испанской гвардии; затем он обратил на себя внимание королевы и сделался герцогом Алькудийским и пр. и пр. Этого человека все испанцы винят в разорении своей родины». (Прим. Байрона).

45 Мануэль де Годой (1767–1851) получил титул «Князя мира» (*Principe de la Paz*) в 1795 г., после Базельского договора, по которому более половины острова Сан-Доминго уступлено было Франции. Время, когда он был первым министром и главным начальником королевской полиции, было временем политического упадка Испании, и еще до начала войны общественное мнение видело уже в нем виновника разорения и унижения страны. Его карьера окончилась прежде, чем Байрон начал свое путешествие. Во время восстания в Аранхуэсе, 1719 марта 1808 г., когда Карл

При этом вспоминает, полный гнева,
Что вверилась Годю королева,
Преступную любовь изменой увенчав...

XLIX.

IV отрекся от престола в пользу своего сына, Фердинанда VII, Годой был спасен от ярости народа только заключением в тюрьму. Затем, в мае, когда сам Фердинанд был уже увезен пленником во Францию, Годой, по настоянию Мюрата, был освобожден, и ему приказано было сопровождать Карла в Байонну и убеждать своего бывшего государя вторично отречься от престола в пользу Наполеона. Остальное время своей долгой жизни он провел сначала в Риме, а потом — в Париже, в изгнании и нужде. По словам историка пиренейской войны, Нэпира, ненависть к Годю, который в действительности был мягким и добродушным человеком, объясняется испанскою злобой и национальными предрассудками. Его предательство было, по крайней мере, настолько же результатом интриг Фердинанда, насколько следствием его собственного честолюбия. Другое и, может быть, более верное объяснение народной ненависти к Годю заключается в его предполагаемом безбожии и хорошо известном равнодушии к церковным обрядам, на которое еще на много лет перед тем обращено было внимание инквизиции. Крестьяне проклинали Годоя, потому что попы радовались его падению.

Равнина, окаймленная скалами,⁴⁶
Где башни мавританские видны,
Была недавно поправа врагами:
Сроднились с ней все ужасы войны...
Здесь ядер след; там луг, конями смятый;
А вот гнездо дракона; у врага
Толпой крестьян те скалы были взяты,
С тех пор они для всех испанцев святы:
Над неприятелем победа дорога.

Л.

Кого не встретишь здесь с кокардой
красной?⁴⁷

46 С высот Сиерра-Морены путешественникам открывается вид на «длинную равнину» Гвадалкивира и на горы Ронды и Гранады с их фортами, «прилепившимися повсюду точно орлиные гнезда». Французы, под начальством Дюпона, вступили в горы Морены 2-го июля 1808 г.; 7-го июня они овладели мостом у Алколеи и заняли Кордову, но 19-го июля были разбиты при Байлене и принуждены сдаться. Следы этих сражений и видел Байрон. «Драконово гнездо» — древняя цитадель Хаэн, охраняющая окраины Сиерры «как сторожевой цербер». Она была взята французами, но снова отбита у них испанцами в начале июля 1808 г.

47 «Красная кокарда с вензелем Фердинанда VII». (Прим.

Она убор отчизны верных слуг;
Взглянувши на нее, испанцу ясно,
Что перед ним не злобный враг, а друг;
Беда пренебрегать ее защитой, —
Кинжал остер, удар неотразим!
Давно б враги уж были перебиты,
Когда бы мог кинжал, под платьем скрытый,
Зазубрить вражий меч иль скрыть орудий

дым.

LI.

На выступах высоких скал Морены
Орудья смертоносные блестят;
Здесь новых укреплений видны стены,
А там ряды зловещих палисад;
Все войско под ружьем; спустив запруду,
Глубокий ров наполнили водой;
Ждут приступа; глядя на ядер груды,⁴⁸

Байрона).

48 В подлиннике не груды, а «пирамида».

«Кто видал батареи, тот помнит пирамиды, в которые складываются ядра и гранаты. В Сиерре-Морене были укреплены все проходы, через которые я проезжал по дороге в Севилью». (Прим. Байрона).

На часовых, расставленных повсюду,
Не трудно отгадать, что скоро грянет бой.

ЛII.

Властитель, расшатавший в мире троны,
Еще не подал знака; медлит он,
Но скоро в ход он пустит легионы,
Что ни преград не знают, ни препон;
Вести борьбу напрасны все усилия
С бичом судьбы. Испанцы! близок час,
Когда над вами гальский коршун крылья
Победно развернет, суля насилья
И целым сонмищем сродняя с смертью вас!

ЛIII.

Ужель должны отвага, юность, сила
Погибнуть, чтобы славой громких дел
Гордиться мог тиран?⁴⁹ Ужель могила

⁴⁹ С течением времени взгляд Байрона на Наполеона изменился; он колеблется между сочувственным удивлением и неохотным порицанием. Но в ту пору, когда написана была эта строфа, поэт был увлечен героическим сопротивлением Испании «новому Алариху, презирающему весь мир», и

Иль рабства гнет Испании удел?
Ужель напрасны вопли и моления?
Ужель спасти Испанию от бед
Не могут ни героя увлечения,
Ни юности отважные стремления,
Ни патриота пыл, ни мудрости совет?

LIV.

Испанки позабыли звон гитары;
Вступив в ряды солдат, лишь гимн войне
Они поют. Как метки их удары!
Разя врагов, летят вперед они...
Вид легкой раны, крик совы, бывало,
Их приводили в дрожь; теперь ни меч,
Ни острый штык их не страшат нимало;
Там, где бы даже Марсу страшно стало,
Они Минервами идут средь грома сеч...

LV.

Когда б вы Сарогоссы деву знали

Байрон выражался о Наполеоне тоном Соути. Ср. ниже, песнь III, строфы XXXVI и XXXVII.

В то время как светило счастье ей,
Когда б ее глаза черней вуали
Вы видели и шелк ее кудрей,
Когда б ваш слух ее ласкали речи, —
Вы не могли б поверить, что с враждой
Она искать с войсками будет встречи
И с ними, не страшась опасной сечи,
Близ сарогосских стен в кровавый вступит
бой.

LVI.

Ее любовник пал, — она не плачет;⁵⁰

⁵⁰ Таковы были подвиги Сарогосской девы, которая в своей храбрости достигла высшего героизма. В бытность автора в Севилье она ежедневно прогуливалась на Прадо, украшенная медалями и орденами, пожалованными Хунтой». (Прим. Байрона).

Соути рассказывает (вероятно, по книге Вогана «Осада Сарогоссы»), что «Августина Сарогосса (sic!), красивая женщина из низшего класса, лет 22-х», маркитанка, зашла однажды с припасами на батарею у ворот Портелло. Артиллеристы все были перебиты и так как граждане не решились войти на батарею, то Августина, пренебрегая опасностью, подскочила к одному убитому, выхватила у него из рук фитиль и выстрелила из 26-фунтового орудия; затем, вскочив на пушку, дала торжественное обещание не расставаться с нею во все время осады». После отступления

Пал вождь, — она становится вождем...
Удерживает трусов; храбро скачет
Пред войском, чтобы с дрогнувшим врагом
Покончить; отомстить она сумеет
За друга и за павшего вождя;
Она бойцов лучом надежды греет;
Пред нею галл трепещет и бледнеет,
Средь стен разрушенных оплота не найдя.

LVII.

Не потому отважна так испанка,
Что амазонки в ней струится кровь, —
О, нет, ее услада и приманка —
Исполненная страстности любовь.
Она разит врагов, но так злодею
За гибель голубка голубка мстит.
Жен стран иных сравнить возможно ль с нею?
Им не затмить ее красой своею,

французов Августине назначена была пенсия и суточные деньги по артиллерийскому положению. Ей дано было также право носить на рукаве особую нашивку со словом «Сарогосса». Нэпир, не вполне доверяя этим подвигам, но и не вполне отрицая их», замечает, что «долгое время спустя Испания еще кишела Сарогосскими героинями, одетыми в полувоенное платье и театрально украшенными гербами».

Она же доблестью и силой их затмит.

LVIII.

Амур оставил след перстов небрежных
На ямках щек испанки молодой,⁵¹
Ее уста — гнездо лобзаний нежных,
Что может в дар лишь получить герой...
Ее глаза душевным пышат жаром;
Ей солнца луч не враг: еще нежней
Ее лицо, одетое загаром;
Кто грань найдет ее всесильным чарам?
Как дева севера бледнеет перед ней!⁵²

51 Примечание Байрона к этому месту:

*Sigilla in mento impresso Amoris digitulo
Vestigio demonstrant mollitudinem. Aul. Gell.*

Эти стихи находятся не у Авла Геллия, а у грамматика Нония Марцелла, который цитирует их из М. Теренция Варрона. В подлинном тексте вместо *sigilla* читается: *laculla*.

52 В письме к матери от 11 авг. 1809 г. Байрон сравнивает «испанский стиль» красоты с английским, к невыгоде для последнего: «Длинные черные волосы; темные и томные глаза; светло-оливковый цвет лица; формы, изящество которых в движении выше всего, что может себе представить англичанин, привыкший к сонным, небрежным фигурам своих

LIX.

В стране, что бард уподобляет раю,
Где властвует гарем, в своих стихах
Я красоту испанок прославляю
(Пред ней и циник должен пасть во прах).
Здесь гурии скрываются от света,
Чтоб их амур не мог увлечь с собой,
А первообраз рая Магомета —
Испания — ужель не верно это?
Там гурий неземных витает светлый рой.

LX.

Парнас! я на тебя бросаю взоры;⁵³

соотечественниц, — все это в соединении с вполне подходящим и в то же время очень скромным костюмом, делает красоту испанки неотразимой». Впрочем, в Дон Жуане (п. XII, ст. LXXIV–LXXVII) сделана оговорка в пользу британских красавиц.

⁵³ «Эти строфы написаны в Кастри (Дельфос), у подножия Парнасса, который теперь зовется Лиакура». (Прим. Байрона).
Вершину Парнасса нельзя видеть из Дельф или окрестностей этого города. Прежде, чем эта строфа была

Передо мной в величьи диком ты...
На снежные твои гляжу я горы;
Они — не греза сна иль плод мечты;
Понятно, что в объятых вдохновенья
Я песнь пою. В присутствии твоём
Скромнейший бард строчит стихотворенье,
Хоть муза ни одна, под звуки пенья,
На высотах твоих не шелохнет крылом...

LXI.

Не раз к тебе моя мечта летела;⁵⁴

написана «у подножия Парнасса» (10-го декабря), Байрон впервые увидел «облеченную в снег» величественную гору на пути в Востоку (на южном берегу Коринфского залива), куда он прибыл 5-го, а выехал оттуда 14-го декабря. «Эхо», прославленное в древности (Юстин, Hist., кн. 24, гл. 6) производится Федриадами, или «блестящими вершинами» и крутыми скатами из красного и серого известняка, при входе в обращенную к югу долину Плиста.

⁵⁴ «Направляясь в 1809 г. к дельфийскому источнику (Кастри), я увидел двенадцать летящих орлов (Гобгоуз думал, что это были коршуны, — по крайней мере, он говорит так) и принял это за доброе предзнаменование. За день перед тем я сочинил стихи к Парнассу (в Чайльд-Гарольде) и, смотря на этих птиц, надеялся, что Аполлон благосклонно принял мою жертву. И действительно, я пользовался репутацией и славой

Как жалок тот, кто не любил тебя!
И вот к тебе я подхожу несмело,
О немощи моих стихов скорбя...
Дрожу я и невольно гну колени,
Поэтов вспоминая прежних дней;
Не посвящу тебе я песнопений, —
Доволен я и тем, что в упоеньи
Короною из туч люблюся твоей.

LXII.

Счастливей многих бардов, что в Элладу
Могли переселяться лишь мечтой,
Я, не скрывая тайную отраду,
Волненья полн, стою перед тобой.
Приюта Феб здесь больше не находит.
Жилище муз могилой стало их,
А все с священных мест очей не сводит
Какой-то дух и средь развалин бродит,
С волной и ветерком шепчась о днях былых.

поэта в поэтический период жизни (от 20 до 30 лет).
Останется ли за иной эта слава, — это другое дело; но я был
почитателем божества и священного места, и благодарен ему
за то, что им для меня сделано. Предавая будущее в его руки,
как предал прошедшее». (Байрон, Дневник 1821).

LXIII.

Пока прости! Я прервал нить поэмы
И позабыл, чтоб чувствовать тебя,
Сынов и жен Испании. Их все мы
Глубоко чтим, свободы свет любя.
Я плакал здесь. Свое повествованье
Я буду продолжать, но разреши
Листок от древа Дафны на прощанье
Сорвать певцу!.. Поверь, что то желанье
Доказывает пыл, не суетность души.

LXIV.

В дни юности Эллады, холм священный,
Когда звучал пифический напев
Дельфийской жрицы, свыше вдохновенной,
Ты не видал таких красивых дев,
Как те, что в Андалузии тревогой
Желаний жгучих нежно взрощены.
Как жаль, что не проходит их дорога
Средь мирных кущ, которых здесь так много,
Хоть с Грецией давно простились славы сны.

LXV.

Своим богатством, древностью и силой⁵⁵
Горда Севилья, полная утех,
Но Кадикс⁵⁶ привлекательнее милый,
Хоть воспевать порочный город грех.
Порок! в тебе живая дышит сладость;
Как весело идти с тобой вдвоем;
Соблазнами ты привлекаешь младость,
Даря и упоение, и радость...
Ты гидра мрачная, но с ангельским лицом...

LXVI.

Когда Сатурн, которому подвластна
Сама Венера, стер с лица земли

⁵⁵ Севилья у римлян называлась Гисналисом. (Прим. Байрона).

⁵⁶ В первом своем письме из Испании (к Ф. Годжсону, 6-го авг. 1809) Байрон восклицает: «Кадикс, милый Кадикс! Это — первое место в мире. Красота его улиц и домов уступает только любезности его жителей. При всем национальном предубеждении, я должен признать, что здешние женщины по красоте настолько же выше англичанок, насколько испанцы ниже англичан во всех отношениях... Кадикс — настоящая Цитера». Ср. ниже письмо к матери от 11-го авг. 1809.

Без сожаленья Пафос сладострастный, —
В страну тепла утехи перешли
И ветреной, изменчивой богини
Перенесен был в Кадикс светлый храм
(Венера лишь верна морской пучине,
Ее создавшей). В Кадиксе доньне
Пред ней и день, и ночь курится фимиам.

LXVII.

С утра до ночи, с ночи до рассвета
Здесь льется песнь; цветами убрана
Толпа, любовью к пиршествам согрета,
Веселью и забавам предана.
Зов мудрости считают там напастью,
Где нет конца разгулу и пирам,
Где истинная вера в споре с властью;
Молитва здесь всегда в союзе с страстью
И к небу лишь летит монахов фимиам.

LXVIII.

Вот день воскресный. День отдохновенья
Как христианский чувствует народ?
На праздник он стремится, полн волненья...
Вы слышите ль, как царь лесов ревет?

Израненный, врагов смущая карой,
Он смерть коням и всадникам сулит;
Нещадные наносит он удары;
Ликуют все, любуясь схваткой ярой,
И взоры нежных дам кровавый тешит вид.

LXIX.

День отдыха, последний день седмицы,⁵⁷
Что посвящен мольбе, как Лондон чтит?
Принарядясь, покинуть шум столицы
И духоту ее народ спешит.
Несутся света сливки и подонки
В Гамстэд, Brentford иль Геро. Устает

⁵⁷ Байрон, как он сам намекает в предисловии к Ч.-Гарольду, первоначально имел намерение ввести в свою поэму несколько «вариантов» шутливого или сатирического содержания. Битти, Томсон, Ариосто были достаточными для него авторитетами в этом отношении. Строфы о синтрской конвенции и четыре заключительные строфы I песни, написанные в этом стиле, были исключены по настоянию Далласа, Меррея или Джиффорда. Из одного письма к Далласу (21-го авг. 1811) видно, что Байрон почти уже решил исключить «две строфы в шутовском роде о лондонском воскресенье». Но они были оставлены в тексте, вероятно, потому, что в них нет личных намеков, — и, по выражению Мура, «обезобразили» поэму.

Иная кляча так от этой гонки,
Что, сил лишася, стать должна к сторонке;
Ее догнав, над ней глумится пешеход.

LXX.

Снуют по Темзе, пышно разодеты,
Красавицы; иным шоссе милей,
А тех влечет к себе гора Гай-Гэта,
Ричмонд и Вер. О Фивы прежних дней!
Зачем здесь жен и юношей так много?⁵⁸
На тот вопрос ответить мне пора:
Всем исстари известною дорогой
Идет народ, спеша на праздник Рога,⁵⁹

58 «Это было написано в Фивах, следовательно — в наилучшем месте для такого вопроса и для ответа на него: не потому, что это — родина Пиндара, а потому, что это — столица Беотии, где была предложена и разрешена первая загадка». (Прим. Байрона).

Байрон приехал в Фивы 22 декабря 1809 г. «Первой загадкой» он называет, конечно, знаменитую загадку Сфинкса, — прототип беотийского остроумия.

59 None в своей «Everyday Book» (1827) дает подробное описание существовавшего в Гай-Гэте обычая «клятвы на рогах». «Рога укрепляются на палке футов в пять длиною, которая втыкается в землю. Рядом становится человек,

Где после выпивки танцуют до утра.

LXXI.

Все предаются странностям невольно,
Но Кадикса не перечесть причуд;
Лишь утром звон раздастся колокольный,
Все в руки четки набожно берут
И к Деве Непорочной шлют моленья
(Во всей стране и не найти другой),
Прозя грехов бесчисленных отпущенья...
Затем все рвутся в цирк, где в упоеньи
И бедный, и богач глядят на смертный бой.

дающий клятву. Он должен снять шляпу», и др. Самая клятва или, вернее, небольшая часть ее, заключается в следующем: «Заметьте хорошенько, что я вам скажу, ибо это есть первое слово вашей присяги, — помните же это! Вы должны признавать меня (землевладельца) вашим названным отцом, и пр... Вы не должны есть черного хлеба, когда можно достать белого, кроме того случая, когда вы больше любите черный. Вы не должны пить слабого пива, если можно достать крепкого, — кроме того случая, когда вы больше любите слабое. Вы не должны целовать служанку, если можете целовать барыню; а чтобы не терять удобного случая, лучше целовать обеих», и пр. Говорит, эта шутовская присяга выдумана пастухами, посещавшими Gate House и пожелавшими завести там трактир.

LXXII.

Пуста еще арена, а как много⁶⁰
Здесь всяких лиц! Все здание полно;
Призывного еще не слышно рога,
Меж тем уж мест свободных нет давно...
Все гранды тут; наносят раны взгляды

⁶⁰ Участники боя быков разделяются на три или четыре группы: чуло или пехотинцы, бандерильеры или метатели дротиков, конные пикадоры и, наконец, матадоры или эспады, которые убивают быка. Каждый бой быков, продолжающийся минут 20, распадается на три отделения или действия. В первом действии пикадоры вызывают нападение быка, обыкновенно только защищаясь, но не атакуя его своими копьями (*gargochas*). Во втором действии пешие чуло размахивают перед глазами быка цветными плащами или платками, стараясь отвлечь его ярость от пикадоров, если последним приходится плохо. В то же самое время бандерильеры стараются воткнуть в шею быка с каждой стороны по несколько зазубренных дротиков, украшенных резаными бумажками, а иногда снабженных фейерверком. Считается необходимым втыкать эти дротики непременно с обеих сторон. В третьем и последнем действии единственным действующим лицом является матадор или эспада. Размахивая мулетой или красным флагом, он вызывает нападение быка и, стоя прямо перед ним, наносит ему шпогой смертельную рану под левую лопатку.

Красивых дам; но так добры они,
Что жертв им жаль; они помочь им рады,
На холод донн, не знающих пощады,
Поэтов жалобы бессмысленны вполне.

LXXIII.

Но вот умолкло все. В плюмажах белых
Отряд въезжает всадников лихих;
Они готовы к ряду схваток смелых;
Гремят их шпоры, блещут копья их
И шарфы развеваются. Собрание
Поклоном встретив, мчат они коней...
Их ждут, когда удастся состязанье,
Улыбки дам, толпы рукоплесканья...
Не так ли чествуют героев и вождей?

LXXIV.

В блестящем платье, в мантии нарядной
Стоит средь круга ловкий матадор;
Ему вступить в борьбу с врагом отрадно,
Но он пред тем вокруг бросает взор:
Спасенья нет, коль встретится преграда!
Лишь дротиком одним вооружась,
Он издали с царем сразится стада;

Ведь пешему остерегаться надо...
В бою как часто конь от бед спасает нас.

LXXV.

Вот подан знак; уж трижды протрубила
Сигнальная труба, разверзлась дверь;
Все смолкло и, кнутом ударен с силой,
Ворвался в цирк дышащий злобой зверь...
Его глаза, что кровию налиты,
На всех наводят страх: он на врага
Бросается не вдруг; его копыта
Вздывают гневно пыль; рыча сердито,
Он бедра бьет хвостом, к земле склонив рога.

LXXVI.

Но вот он стал, свирепый взор бросая;
О юноша, беги иль приготовь
Свое оружие, ловкость в ход пуская,
А иначе твоя прольется кровь!..
Вокруг быка снуют, ловки и смелы,
Тореадоры. Кровь быка течет;
Он носится, покрытый пеной белой;
В него летят и дротики, и стрелы;
Объятый бешенством, от боли он ревет.

LXXVII.

Остановить его не в состояньи
Кровавые уколы стрел и пик;
На всадников не обратив вниманья,
Вперед летит рассвирепевший бык...
Один им конь убит, другой изранен;
Потоками теряя кровь свою,
Плетется конь, страданьем отуманен;
Ужасный вид! Коль пикадор сохранен,
Спасением своим обязан он коню.

LXXVIII.

Измученный, врагами окруженный,
Теряя кровь из сотни тяжких ран,
Ударами без счета пораженный,
Все бык опасен, гневом обуян.
Вертясь вокруг него, плащом багряным
И градом стрел его тревожит враг;
Собрав остаток сил, в порыве рьяном,
Он на него несется ураганом,
Но, ослеплен плащом, склоняется во прах.

LXXIX.

Почуяв сталь меж шеей и лопаткой,
На месте замер он и задрожал,
Не отступая. Миг пронесся краткий —
И грозный зверь без стонов муки пал
Перед толпой, победой опьяненной.
На этот вид глядеть отрадно ей.
Увозится затем колосс сраженный
На колеснице, пышно запряженной
Лихою четверней гарцующих коней.

LXXX.

Глядят на это зрелище с любовью
Испанки и испанцы. С детских лет
Сродняют их с дымящеюся кровью, —
Вот отчего в них сострадания нет
И месть отрадна им.⁶¹ Удар кинжала
Дает испанцам средство счеты свести

⁶¹ «Испанцы крайне мстительны. В Санта-Отелла я слышал, как молодой крестьянин грозил заколоть женщину (правда, — старуху, что смягчает оскорбление), и когда я выразил по этому поводу удивление, мне сказали, что тут нет ничего необыкновенного». (Прим. Байрона).

С врагами. Хоть пора борьбы настала,
Все ж дома их осталось не мало:
А там союзницей обид и распрей месть.

LXXXI.

Но ревность здесь, как встарь, царить не
может.

Замков, цепей, дуэнь уж не найти,
И старый муж, хоть страх его тревожит,
Держать жену не может взаперти.
Сроднилася с испанкой молодою
Свобода. До тяжелых дней войны
Как весело, с распущенной косою,
Чуть до земли касаяся ногою,
Кружилася она в сиянии луны!

LXXXII.

Не раз Гарольд любил иль был уверен,⁶²

⁶² Ср. Пушкина, «Евгений Онегин», IV, 9:

Он в первой юности своей
Был жертвой бурных заблуждений
И необузданных страстей.
Привычкой жизни избалован,

Что любит всей душой: любовь — лишь сон;
Но он теперь был безучастью верен:
Не утолял, ведь, жажды в Лете он.
Гарольд узнал, что лучшим украшеньем
Амуру служат крылья; что без слез
Краса и юность, вняв его веленьям,
Не могут упиваться наслажденьем;
Отраву может он сливать с дыханьем роз.⁶³

Одним на время очарован,
Разочарованный другим,
Желаньем медленно томим,
Томим и ветреным успехом,
Внимая в шуме и в тиши
Роптанье вечное души,
Зевоту подавляя смехом:
Вот как убил он восемь лет,
Утратя жизни лучший цвет.

⁶³ Уверенность — или, лучше сказать, страх Байрона, что он осужден на гибель, коренятся в усвоенном им с детства кальвинистском вероучении (ср. Ч.-Гарольда, песнь III, стр. LXX и п. IV, стр. XXXIV). Лэди Байрон считала этот безотрадный взгляд на жизнь основой характера своего мужа и причиной его странностей. В письме к Г. К. Робинсону от 5 марта 1855 г. она говорит: «Не только по случайным выражениям, но по всему строю чувств лорда Байрона я не могла не убедиться в том, что он верил в библейское вдохновение и разделял самые мрачные догматы кальвинизма. Этому злополучному взгляду на отношения создания к Создателю я всегда приписывала несчастья Байрона. Вместо

LXXXIII.

Гарольд все ж не был слеп и, созерцая
Красу, лишь как мудрец пленялся ей;
Не потому, что, грешных дум не зная,
Ценил он чистоту, но пыл страстей,
Нас утомив, приносит в дар забвенью;
Порок себя хоронит, грез и сил
Лишая нас. Под гнетом пресыщенья
Гарольд, скорбя, не ведал упоенья;
Проклятье Каина он на челе носил.

LXXXIV.

Гарольд сойтись с толпою бессердечной
Не мог, хотя к ней злобы не питал;

того, чтобы при каждой удаче чувствовать себя счастливее, он был убежден, что каждая удача обращается для него в «проклятие». Может ли человек, одержимый такими мыслями, вести жизнь, полную любви и служения Богу и людям? Эти идеи и должны были до известной степени осуществиться. «Хуже всего — то, что я в это верю», говорил он. И я, как все, с ним связанные, ничего не могла сделать с этой верой в предопределение.

Искать утех он стал бы, если б вечно,
Улыбкам чужд, глубоко не страдал.
На все и всех глядел он без участия;
Однако раз борьбу ему пришлось
Вести с коварным духом сладострастья;
Красавицу он встретил, что дни счастья
Напомнила ему, и песнь он ей поднес.

ИНЕСЕ⁶⁴

1.

Полны тоски мои мечты;
Мне не дари улыбки страстной;

⁶⁴ Эти стансы, которыми заменены первоначально написанные стансы «К девушке из Кадикса» помечены 25 января 1810 г. В этот день Байрон и Гобгоуз посетили Марафон. Стихи относятся, по всей вероятности, к «афинской деве» Терезе Макри, или к какой-нибудь случайной возлюбленной, но не к «Флоренсе» (г-жа Спенсер Смит), которой Байрон незадолго перед тем (16 января) «дал отставку в стихотворениях «Волшебство исчезло» (см. дальше стр. 185). Неделю спустя (10 февр.) Гобгоуз в сопровождении албанца Василия и афинянина Димитрия уехал на Негропонт, а Байрон был неожиданно чем-то задержан в Афинах.

Дай Бог, чтоб слез не знала ты,
Чтоб ты не плакала напрасно.

2.

Немая скорбь, во цвете лет,
На век мое сгубила счастье;
Увы! помочь мне средства нет;
Бессильно и твое участие.

3.

Поверь, не ненависть, не страсть,
Не честолюбья злое жало
Меня заставили проклясть
Все то, что встарь меня пленяло.

4.

Я пресыщенья яд вкусил;
Всегда я полон дум унылых;
Мне красоты рассвет не мил;
Меня пленить и ты не в силах.

5.

Страдаю я, как вечный жид,
Что несся в даль, тоской убитый;
Мне только смерть покой сулит,
Ее ж от смертных тайны скрыты...

6.

Изгнанник, где бы ни был он,
От мук своих бежать не может;⁶⁵
Везде звучит мой скорбный стон...
И демон дум меня тревожит.

7.

Меж тем других проходят дни
В веселье; счастье — сновиденье;
Пусть не изведает они,
Как я, весь ужас пробужденья.

⁶⁵ Ср. Горация, Оды, II, XVI, 19–20:

... Patriae quis exul
Se quoque fagit?

8.

Не мало я изъездил свет,
Но мне забвения он не дал;
Я не страшуся новых бед, —
Уж я все худшее изведаль.

9.

Оставь меня! Не узнавай,
Какая скорбь мне душу точит;
Нет, с сердца маски не срывай, —
Под нею целый ад клокочет!

LXXXV.

Прости, прелестный Кадикс! Долго стены⁶⁶

⁶⁶ «Намек на поведение и смерть Солано, губернатора Кадикса, в мае 1808 г.». (Прим. Байрона).

Маркиз Солано, главнокомандующий войсками в Кадиксе, был убит народом. Севильская «Верховная Хунта» приказала ему атаковать французский флот, стоявший на якоре у Кадикса, и английский адмирал Первис, по соглашению с генералом Спенсером, предлагал ему свое содействие; но

Ты защищал свои, и горд и смел;
Хоть вокруг тебя дышало все изменой,
Свои права ты отстоять сумел.
Геройский город — первым ты свободу
Стяжал, последним пав! Ты умертвил
Вождя, что изменить хотел народу.
Тогда как чернь дралась, — врагу в угоду
Оружье клала знать, лишась от страха сил.

LXXXVI.

Не странно ль, что за чуждую им волю
Испанцы умирают, что за трон
Без короля им выпало на долю
Сражаться,⁶⁷ хоть давно расшатан он?

Солано не желал получать приказания от «самовольно водворившейся власти» и опасался вовлечь свою родину в войну с державой, сила которой ему была известна лучше, чем характер его соотечественников» (Нэпир).

Кадикс был отнят у мавров Алонсо эль-Савио, в 1262 году. В январе-феврале 1810 г. он чуть не попал в осаду. В 1812 г., 16 мая, Сульт начал «серьезную бомбардировку» города; но через три месяца, 24 августа, осаде была снята.

⁶⁷ Карл IV отрекся от престола 19 марта 1808 г., в пользу своего сына, Фердинанда VII; в следующем же мае Карл снова отрекся от престола за себя лично, а Фердинад — за себя и своих наследников, — в пользу Наполеона. С тех пор Карл

Стране, что только жизнь им даровала.
Они верны. В вельможе дышит страх,
Но не смутил дурной пример вассала:
Ему путь к воле гордость указала,
И будет драться он хотя бы на ножах.⁶⁸

находился в изгнании, а Фердинанд, — в плену в Валансэ, и Испания, с точки зрения Бурбонской династии, оставалась «без короля» до тех пор, пока Фердинанд по политическим соображениям, не был освобожден. Он воцарился снова 22 марта 1814. г.

⁶⁸ «Война до ножей!» — ответ Палафокса французскому генералу при осаде Сарогоссы». (Прим. Байрона).

Во время первой осады Сарогоссы, в августе 1808 г., маршал Лефевр потребовал у Палафокса сдачи крепости. Ответ был: «Guerra al cuchillo!» (Война до ножей!). Позднее, в декабре того же года, когда Мовсэ снова потребовал сдачи, Палафокс обратился к жителям Мадрида с прокламацией, в которой говорил, что осаждающие его собаки не дают ему времени вычистить меч от их крови, но все же найдут себе в Сарогоссе могилу. Соути замечает, что прокламации Палафокса сочинялись в приподнятом тоне, отчасти под влиянием испанских народных романсов, и отвечали характеру тех, к кому он обращался. С своей стороны, Нэпир объясняет снятие осады дурной дисциплиной французов и системой террора, усвоенной испанскими вождями. Вдохновителями прокламаций о «войне до ножей» были, по его словам, Хорье Иборт и Тио Мурин, а вовсе не Палафокс, который ничего не смыслил в военном деле и в большинстве случаев заботился прежде всего о собственной безопасности.

LXXXVII.

Кто хочет изучить испанцев нравы,
Пусть тот их войн историю прочтет;
Чтоб мстить врагу кровавою расправой,
Они пускали даже пытки в ход...
Вооружась ножом иль ятаганом,
Чтоб жен спасать, сестер и дочерей,
Они боролись на смерть с вражьим станом;
Струилась кровь врагов ручьем багряным; —
Так следует встречать непрошенных гостей.

LXXXVIII.

Ужель печальных жертв борьбы тяжелой⁶⁹
Слезой мы не почтим? Разорены
Нещадною войной поля и села
И кровью руки жен обагрены.

⁶⁹ Стихотворения LXXXVIII — XCIII, в которых Байрон вспоминает о сражениях при Бароссе (5 марта 1811 г.) и Альбуэре (16 мая 1811 г.) и о смерти своего школьного товарища Уингфильда (14 мая 1811 г.), были написаны в Ньюстиде, в августе 1811 г., взамен четырех выпущенных стихотворений.

Пускай лежат, где пали, жертвы злости,
Кормя голодных псов и хищных птиц;
Им лучше там лежать, чем на погосте:
Глядя на их белеющие кости,
Пред храбростью отцов склонятся дети ниц.

LXXXIX.

Нельзя конца предвидеть обороны;
В Испанию, спустившись с Пиреней,
Все новые несутся легионы...
Не сводит мир в цепях с нее очей:
Коль свергнет рабства гнет она защитой,
Немало стран сроднятся с волей вновь...
Как странно: край, Колумбом встарь
открытый,
Те муки, что узнали дети Квиты,⁷⁰

⁷⁰ Франсиско Пизарро (1480–1511) с своими братьями Эрнандо, Хуаном Гонзалом и Мартином де-Алькантара, вернувшись в Испанию, снова отплыл в Панаму в 1530 г. Идя к югу от Панамы, он взял остров Пуну, принадлежавший к провинции Ки(ви)то. В 1532 г., близ города Кахамарки, в Пене, он разбил и изменнически захватил в плен короля Кито, Атуахальпу, младшего брата последнего инки Хуаскара. Слабость Испании во время наполеоновских войн послужила для ее колоний благоприятным поводом к восстанию. В августе 1810 г. вспыхнула революция в Квито, столице

Врачует счастием, отчизны ж льется кровь!

XC.

Вся кровь, что пролилася в Талавере,
Прославивший войска Баросский бой,
Блестящий ряд атак при Албуэре —
Испании свободу и покой
Не даровали. Тяжкие невзгоды
Простятся ль скоро с нею? Хищный галл
В своих когтях ее продержит годы.
Когда ж, средь мира, дерево свободы
Появится в краю, что воли не знавал?⁷¹

XCI.

Экуадора, в том же году Мексика и Ла-Плата начали свою борьбу за независимость.

⁷¹ Во время американской войны за независимость (1775—83) и позднее, во время французской революции, возник обычай сажать деревья, как «символы растущей свободы». Во Франции эти деревья украшались «шапками свободы» (фригийскими колпаками). В Испании таких деревьев иногда не сажали.

Погиб и ты, мой друг!⁷² Объят тоскою,

72 «Джон Уингфильд, офицер гвардии, умерший от лихорадки в Коимбре (14 мая 1811 г.). Я знал его десять лет, в лучшую пору его жизни и в наиболее счастливое для меня время. В короткий промежуток одного только месяца я лишился той, которая дала мне жизнь, и большинства людей, которые делали эту жизнь сносною. Для меня — не вымысел эти стихи Юнга:

О, старец ненасытный! Иль мало одной тебе
жертвы?

Трижды пустил ты стрелу — и трижды убил
мою радость

Прежде, чем трижды луна свой рог
наполнить успела!

(Ночи, жалоба; ночь I).

«Мне следовало бы также посвятить хоть один стих памяти покойного Чарльза Скиннера Мэтьюза, члена Даунинг-Колледжа, если бы этот человек не стоял гораздо выше всяких моих похвал. Его умственные силы, обнаружившиеся в получении высших отличий в ряду наиболее способных кандидатов Кембриджа, достаточно упрочили его репутацию в том кругу, в котором она была приобретена; а его приятные личные качества живут в памяти друзей, которые так его любили, что не могли завидовать его превосходству». (Прим. Байрона).

Уингфильду Байрон посвятил несколько строк в одном из своих школьных стихотворений, под заглавием: «Детские воспоминания». Мэтьюз, самый любимый из школьных

друзей поэта, утонул, купаясь в реке, 2 августа 1811 г. Следующия строки из письма Байрона из Ньюстэда к своему другу Скрону Дэвису, написанные непосредственно вслед за этим событием, отражают в себе сильное впечатление утраты:

«Милейший Дэвис, какое-то проклятие тяготеет надо мной и над близкими ко мне людьми. В моем доме лежит мертвое тело моей матери; один из лучших моих друзей утонул в канаве. Что мне говорить, что думать, что делать? Третьяго дня я получил от него письмо. Дорогой Скроп, если можешь урвать минутку, приезжай ко мне: мне нужен друг. Последнее письмо Мэтьюза написано в пятницу, — а в субботу его уже не стало. Кто мог равняться с Мэтьюзом по способностям? Как все мы ему уступали! Правду ты говорил, что мне следовало рисковать моим жалким существованием ради сохранения его жизни. Сегодня вечером я собирался написать ему, пригласить его к себе, как приглашаю тебя, любезный друг. Как чувствует себя наш бедный Гобгоуз? Его письма наполнены только Мэтьюзом. Приезжай же ко мне, Скроп, — я почти в отчаянии, ведь я остался почти один на свете!» (7 августа).

Примечание Байрона к строфе ХСІ вызвало возражение со стороны Далласа: «Меня поразило», писал он, «что похвала Мэтьюзу сделана отчасти на счет Уингфильда и других, о ком вы вспоминали. Мне казалось бы совершенно достаточным сказать, что его умственные силы и способности были выше всякой похвалы, не подчеркивая того, что оне были выше способностей Музы, громко восхваляющей остальных». Байрон отвечал (27 авг. 1811 г.): «В своем примечании о покойном Чарльзе Мэтьюзе я говорил так искренно и чувствую себя до такой степени неспособным воздать должное его талантам, что это примечание должно быть сохранено в силу тех самых доводов, которые вы приводите

Под рокот струн я слезы лью, скорбя;
Когда б в бою ты пал, гордясь тобою,
Не смела б и приязнь жалеть тебя;
Но ты почил бесславно, храбрый воин!
Ты пал, забытый всеми, лишь не мной:
Лаврового венка ты был достоин.
За что же твой конец был так сложен.
Судьбой безжалостно развенчанный герой?

ХСЦ.

Друг детства дней, всех больше мной
любимый,
Во сне ко мне являйся! Я зову

против него. В сравнении с этим человеком все люди, которых я когда-либо знал, были пигмеями. Это был умственный гигант. Правда, Уингфильда я любил больше: это был самый старый и самый милый мой друг, один из немногих, в любви к которым никогда не раскаешься; но что касается способностей, — ах! Вы знали Мэтьюза!» В другом письме к тому же лицу (7 сент. 1811 г.) Байрон снова вспоминает о своих умерших друзьях: «В лице Мэтьюза я лишился вождя, философа и друга; в лице Уингфильда только друга, но такого, которому я хотел бы предшествовать в его последнем странствовании. Мэтьюз был действительно необыкновенный человек... На всем, что он говорил и делал, лежала печать бессмертия...»

Тебя, тяжелой горестью томимый;
Довольно слез пролью я наяву...
Мечтой к твоей могиле одинокой
Всегда, везде стремиться буду я,
Пока того, кто кончил жизнь до срока,
И друга, что скорбел о нем глубоко,
Не сблизит навсегда покой небытия.

ХСШ.

Здесь песнь кончаю я, но еще много
Вам сцен и описаний дать готов,
Коль критик, относясь к поэме строго,
Не разгромит написанных мной строф.
Героя своего не оставляя,
О Греции я поведу рассказ
И дней коснусь, когда, оков не зная,
Она цвела, искусство прославляя,
Под игом варваров бесславно не томясь.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

I.

Хоть не бывал поэт тебе послушен,

На зов певца, Минерва, дай ответ!
Здесь храм твой возвышался; он разрушен
Пожарами, войной⁷³ и гнетом лет,
Тебя повергших в прах; но хуже брани,

⁷³ Часть Акрополя была разрушена взрывом порохового склада во время осады Афин венецианцами». (Прим. Байрона).

Венецианцы, в 1687 г., поставили на самом высоком месте Ликаветта четыре мортиры и шесть пушек и начали бомбардировать Акрополь. Одна из бомб разрушила скульптурные украшения западного фасада Парфенона. «В 1667 году», говорит Гобгоуз, «все древности, от которых теперь в Акрополе не осталось и следа, находились еще в достаточно сохранившемся виде. В ту пору этот огромный храм мог еще быть назван целым. Ранее он был христианской церковью, а затем — прекраснейшей в мире мечетью. В настоящее время от него осталось только 29 дорических колонн, из которых иные уже лишены карнизов, и часть левой стены. Колонны северного фасада, кроме угловых, все разрушены. Остающаяся часть развалин не может не вызывать даже у равнодушного зрителя чувства удивления и уважения; подобные же чувства проявляются при виде огромного количества мраморных обломков, разбросанных на месте храма. Эти обломки скоро будут единственными остатками храма Минервы».

Еще раньше венецианской осады, в 1656 г., часть Пропилеев была разрушена взрывом порохового склада от удара молнии. В 1684 г., когда Афинам грозил венецианский флот, турки снесли храм Победы и выстроили из этого материала бастион.

74 «Мы все можем чувствовать или представить себе сожаление при виде развалил городов, бывших некогда столицами царств; вызываемые подобным зрелищем размышления слишком общеизвестно и не нуждаются в повторении. Но ничтожество человека и суетность наилучших его добродетелей, каковы восторженная любовь к родине и мужество при ее защите, никогда не обнаруживаются с такою очевидностью, как при воспоминании о том, чем были Афины и что представляют оне теперь. Эта арена споров между могущественными партиями, борьбы ораторов, возвышения и низложения тиранов, триумфа и казни полководцев, сделалась теперь местом мелких интриг и постоянных раздоров между спорящими агентами известной части британской знати и дворянства. «Шакалы, совы и змеи в развалинах Вавилона», наверное, менее позорны, чем подобные обитатели. Для турок-завоевателей находится оправдание в их деспотизме, а греки были только жертвою военной неудачи, которая может постигнуть даже самых храбрых; но насколько низко упали сильные люди, если двое живописцев оспаривают друг у друга привилегию грабить Парфенон и торжествуют поочередно, смотря по содержанию следующих друг за другом султанских фирманов! Сулла мог только наказать Афины, Филипп — завоевать их, Ксеркс — предать огню; а жалким антиквариям и их презренным агентам суждено было сделать Афины заслуживающими такого же презрения, как они сами и их искания. Парфенон до его разрушения во время венецианской осады был храмом, церковью, мечетью Парфенон был обращен в церковь в VI столетии Юстинианом и посвящен Премудрости Божией. Около 1160 г. церковь обращена была в мечеть. После осады 1087 г. турки построили в прежней ограде мечеть меньшего размера. В

Которые не чтут воспоминаний,
Которым дела нет до тех преданий,
Что обессмертили дела минувших дней.

II.

Афины, где эпохи величавой
Герои и вожди? — их больше нет.
Они, покрыв себя бессмертной славой,
Прошли как сон; погиб их даже след.
Деянья их мы изучали в школе,
Твердя о них уроки целый день;
Былых времен следов не видно боле;

каждой из этих стадий он был предметом уважения; его поклонники менялись, но он не переставал быть местом поклонения; он трижды был посвящен божеству и его осквернение есть тройное святотатство. Но —

.... гордый человек,
Облекшись незначительною властью,
Так начинает вольничать пред Небом,
Что ангелы готовы плакать.

Шекспир, Мера за меру, II, 2)».

(Прим. Байрона).

Над башнями, что годы побороли,
Величья прошлого витает только тень.

III.

Минутный гость земли! на вид унылый⁷⁵

⁷⁵ В рукописи находится следующее примечание Байрона к этой и пяти дальнейшим строфам, приготовленное для печати, но затем отброшенное — «из опасения», говорит поэт, «как бы оно не показалось скорее нападением на религию, чем ее защитой».

«В нынешний святошеский век, когда пуританин и священник поменялись местами, и злополучному католику приходится нести на себе «грехи отцов» даже в поколениях, далеко выходящих за указанные Писанием пределы, мнения, высказанные в этих строфах, будут, конечно, встречены презрительным осуждением. Но следует иметь в виду, что эти мысли внушены грустным, а не насмешливым скептицизмом; тот, кто видел, как греческие и мусульманские суеверия борются между собою за господство над прежними святилищами многобожия, тот, кто наблюдал собственных фарисеев, благодарящих Бога за то, что они не похожи на мытарей и грешников, и фарисеев испанских, которые ненавидят еретиков, пришедших к ним на помощь в нужде, вот окажется в довольно затруднительном положении и поневоле начнет думать, что так как правым может быть только один из них, то, значит, большинство неправо. Что касается нравственности и влияния религии на человечество, то по всем историческим свидетельствам оказывается, что

Руин взгляни, щадя следы веков;
Здесь нации исчезнувшей могилы,
Обломки храмов попорванных богов.
Религии сменяет дней течение;
Юпитер пал; явился Магомет;
Меняться будут веры и воззренья,
Пока исчадья смерти и сомненья
Не убедятся в том, что их надежды — бред.

IV.

Они в цепях, а небеса им милы.
Свой крест нести ужель здесь мало вам?
Сладка ль так жизнь, что даже за могилой
Хотите жить, стремясь к небесам?
Зачем вам знать, могил немые плиты
Блаженство или муки вам сулят?
Зачем вам в край стремиться не открытый?

влияние это выразилось не столько усилением любви к ближнему, сколько распространением сердечной христианской ненависти к сектантам и схизматикам. Турки и квакеры отличаются наибольшею терпимостью: если только «неверный» платит турку дань, — то он может молиться, как, когда и где угодно; мягкие правила и благочестивое поведение квакеров делают их жизнь лучшим комментарием к Нагорной Проповеди».

Вы взвесьте прах под плитами зарытый;
Красноречивей он, чем проповедей ряд.

V.

На мавзолей героя бросьте взоры.
На берегу пустынном он почил.⁷⁶
К гробнице той, лишившейся опоры,
Народ, стекаясь в горе, слезы лил.
В стране полубогов где ж та дорога,
Что к мавзолею воина ведет?
Вот череп здесь, — как смотрит он убого!
Ужели это храм, достойный бога?
Теперь и жалкий червь в нем больше не
живет.

⁷⁶ «Греки не всегда сжигали своих покойников; в частности старший Аякс был похоронен в неприкосновенном виде. Почти все вожди после своей смерти становились божествами, и тот из них находился в пренебрежении, у могилы которого не было ежегодных игр или празднеств, устраиваемых в его честь его соотечественниками. Такие торжества бывали в честь Ахилла, Бразида и др. и, наконец, даже в честь Антиноя, смерть которого была столь же славною, насколько его жизнь была недостойна героя». (Прим. Байрона).

VI.

А, между тем, в нем честолюбье жило;
Он стал пещерой ветхою, но встарь
Он храмом был, где ярко мысль светила,
Где для души воздвигнут был алтарь.
Где впадины зияют, там когда-то
В живых очах несдержанная страсть
Читалась; там была ума палата;
Дать снова жизнь тому, что смертью взято,
Софист иль праведник, имеете ли власть?

VII.

Ты прав, Сократ, сказав: «мы только знаем,
Что смертным недоступен знанья свет!»
Влача земную цепь, мы все страдаем;
Как скрыться нам от неизбежных бед?
Зачем страдать от грез воображенья?
Все лучшее, что рок дает, возьмем,
Нам берег Ахерона даст забвенье.
Там сытый гость под гнетом принужденья
Не явится на пир: покой им куплен сном.

VIII.

Но если бы, наперекор безверью,
Как думают святые, край такой
Нашелся бы, где за могилы дверью
Нас к жизни призывали бы иной,
Там Бога мы б усердно прославляли,
Сродняясь вновь с друзьями, что не раз
Нас утешать старались в дни печали;
Вкушая сладость встреч, что мы не ждали,
И чувствуя мужей, добру учивших нас.

IX.

Мой друг! любя расстался ты с землею...⁷⁷

⁷⁷ По мнению Далласа, эта строфа написана была под впечатлением полученного Байроном известия о смерти его кембриджского друга Эддльстона. «Это был», говорит Байрон, «в течение четырех месяцев шестой из числа друзей и родных, утраченных мною с мая по конец августа». Однако же, в письме к Далласу от 14 октября 1811 г., посылая эту строфу, Байрон заметил: «Считаю уместным сказать, что здесь заключается намек на одно событие, случившееся после моего приезда сюда (в Ньюстэд), а не на смерть одного из моих друзей мужского пола». При другом письме к тому же Далласу, от 31 октября 1811, поэт приложил «несколько куплетов» (вероятно — стихотворение «К Тирзе»), помеченных 11-м октября, и прибавил, что «они касаются смерти одной особы, имя которой вам чуждо, а следовательно

В том мире смерть соединила б нас!
Когда моя душа полна тобою,
Мне верить ли, что ты навек угас?
В осиротелом сердце образ милый
Носить я буду; светлые мечты
И память о былом дают мне силы
Надеяться на встречу за могилой...
Возликовал бы я, узнав, что счастлив ты.

Х.

Здесь, у руин колонны величавой,
Сижу я одиноко. Зевса храм
Когда-то тут стоял в сияньи славы;⁷⁸

и не может быть интересно... Они относятся к тому же лицу, о котором я упомянул во II песне и в заключение моей поэмы». Таким образом, по указанию самого Байрона, строфа IX находится в связи с XCV и XCVI, и все эти строфы имеют связь с группой стихотворений, посвященных «Тирзе». Более определенных сведений об этом предмете в литературе не имеется.

⁷⁸ «Храм Юпитера Олимпийского, от которого осталось еще 10 колонн из цельного мрамора. Первоначально этих колонн было 150. Впрочем, некоторые предполагают, что они принадлежали Пантеону. (Прим. Байрона).

Олимпийейон или храм Зевса Олимпийского, на юго-восточной стороне Акрополя, на высоте около 500 ярдов

Но как теперь о нем понятие дам?
Что временем разрушено, то снова
Не воссоздаст мечтою человек.
Лишь камни те хранят следы бывшего...
Для турка в них нет смысла никакого,
И с пеньем возле них проходит жалкий грек.

XI.

С тех пор, как потеряв свои богатства,⁷⁹

от подошвы утеса, на котором он стоял, был начат Лизистратом, а закончен семьсот лет спустя императором Адрианом. Это был один из трех или четырех величайших храмов древнего мира. Самый храм был украшен с боковых сторон двумя рядами колонн, по 20 в каждом, а спереди и сзади — тремя рядами по 8 колонн, так что общее число колонн составляло 104: в 1810 г. оставалось только 16 «высоких коринфских колонн».

⁷⁹ Строфы XI–XIV направлены против шотландского лорда Эльджина (1701–1841), собирателя древностей увезшего парфенонские и другие мраморы в Англию. Об Эльджине см. в III т. «Проклятие Минервы», где нападки на Эльджина еще яростнее.

Увы, обломки храма с грустью скрытой,
Бушуя, волны в даль с собою унесли.
«Корабль потерпел крушение в Архипелаге».

С Палладой Зевс лишился алтарей,
Кто совершил всех хуже святотатство
В том храме? Каледония, красней!
То был твой сын. Я радуюсь, что бритты
Так поступить позорно не могли.
Свобода от свободных ждет защиты.
Увы! обломки храма с грустью скрытой,
Бушуя, волны в даль с собою унесли!

ХII.

Потомок пиктов, ряд свершив насилий,
Разрушил то, что годы сберегли,
Что вандалы⁸⁰ и турки пощадили...

(Прим. Байрона).

Корабль «Ментор», нанятый Эльджином для доставки в Англию груза, состоявшего из двенадцати ящиков с древностями, разбился у острова Чериго, в 1803 году. Секретарь Эльджина, Гамильтон, с большими усилиями спас 4 ящика; остальные были отысканы только в 1805 году.

⁸⁰ В подлиннике не «вандалы», а готы:

But most the modern Pict's ignoble boast
To rive what Goth, and Turk, and Time has
spared.

Тот холоднее гор родной земли,
Бесплоден, как скалистые вершины,
Кто беззащитный трогает народ!
Бороться не могли с врагом Афины...
Прошедших бед им вспомнились години;
Как показался им ужасен рабства гнет!⁸¹

Спутник Байрона Гобгоуз сообщает:

«На оштукатуренной стене капеллы Пандроса, примыкающей к Эрехтейону, были глубоко вырезаны следующие слова:

Quod non fecerunt Gothi
Nos fecerunt Scoti.

Шотландцы также находились среди волонтеров, которые вместе с ганноверскими наемниками участвовали в венецианском нашествии на Грецию в 1686 году.

⁸¹ «Не могу не воспользоваться позволением моего друга д-ра Кларка, имя которого не нуждается в рекомендации и авторитет которого сделает мое свидетельство в десять раз более веским: приведу из его весьма любезного письма ко мне следующий отрывок, могущий служить объяснением этих строк: «Когда последняя метопа взята была из Партепона и когда, снимая ее, рабочие лорда Эльджина разбили большую часть верхнего строения с одним из триглифов, тогда диздар, увидев разрушение здания, вынул изо рта трубку, залился слезами, и жалобным голосом сказал Лузиери: Τέλος! (конец!). Я сам при этом был». Этот диздар был отцом нынешнего диздара. (Прим. Байрона).

ХІІІ.

Британія, ужели ты довольна,
Что плачет грек, который слаб и сир?
В хищениях таких признаться больно.
Ты за себя краснеть заставишь мир!
Владычица морей, страна свободы,
Ножом пронзила ты Эллады грудь...
Ты защищаешь слабые народы,
А забрала, что пощадили годы,
На что и деспоты не смели посягнуть.

ХІV.

С Эгидой что ж ты не пришла, Паллада?
Аларих был тобою побежден;
Где ж был Пелея сын? Из бездны ада⁸²

«Диздар — смотритель замка или форта. Это происшествие подробнее рассказано Кларком в его «Путешествиях по разным странам Европы, Азии и Африки» (1810—14, ч. II, стр. 483).

⁸² «По словам Зосимы, Минерва и Ахилл отогнали Алариха от Акрополя; другие же писатели говорят, что готский король вел себя здесь так же злонамеренно, как и

В те дни с копьём на бой явился он.
Ужель не захотел Плутон суровый
Его из ада выпустить опять,
Чтоб в прах низвергнуть хищника другого?
Увы! Ахилл не появился снова,
Покинув Стикс, как встарь, чтоб город
защищать!

XV.

Без горя на тебя глядеть нет мочи,
О, Греция! Прах милый схож с тобой!
Чьи горьких слез не проливают очи,
Глядя на искаженный образ твой?
Будь проклят час, когда для разграбленья
Твоих святынь явился Альбион,
Когда он разгромил твои владенья,
И плачущих богов без сожаленья
На север мертвенный унес с собою он.⁸³

шотландский лорд. См. Чэндлера». (Прим. Байрона).

Зосима — византийский историк. В действительности, вестготский король Аларих в 895 г. занял Афины без сопротивления и вывез из города все движимые сокровища, но не разрушал ни зданий, ни произведений искусства.

⁸³ Афиняне верили, или притворялись, что верят, будто мраморные статуи кричали от стыда и тоски, когда их

XVI.

Вернуться к моему герою время.

Где ж Чайльд-Гарольд, мой мрачный
пилигрим?

Его людских скорбей не давит бремя;
Притворных слез любовница пред ним
Не льет и друг с протянутой рукою
Нейдет к нему в отъезда грустный час.
Теперь он чужд любви и тверд душою;
И вот без слез расстался он с странною
Войны и темных дел, где кровь рекой лилась.

XVII.

Красив фрегат, что мчится на просторе,
Лес мачт он оставляет за собой;
Здесь шпицы колоколен тонут в море,
Там светится песок береговой,
А впереди, равниною безбрежной
Сверкая, серебрятся гребни волн...
Корабль средь них, что лебедь белоснежный;

Когда же киль в борьбе с волной мятежной,
Плохой корабль, и тот как будто жизни полн.

XVIII.

Любуйтесь обстановкою фрегата:
Здесь сеть видна,⁸⁴ там пушек ряд блестит;
Звучит команда; рвением объята,
Толпа матросов ей внимать спешит;
Здесь боцмана свисток порой в движенье
Корабль приводит; мичман молодой
Там делает свои распоряженья,
Им придавая важное значенье;
Он юн, а властвовать умеет над толпой.

XIX.

На палубе нет пятнышка. Сурово
По ней шагает строгий капитан;
Он проронить боится даром слово;
Кто страхом перед ним не обуян?

84 Собственно навес (Сапору).

«Чтобы камни и осколки не падали во время боя на палубу». (Прим. Байрона).

Он предан дисциплине, что заране
Сулит успех; кто чтит ее закон,
Тот верх всегда берет на поле брани;
Ей гордые покорны англичане;
Закон — святыня их, как строг бы ни был он.

XX.

Попутный ветер, дуй, с волной играя,
Пока закат не сгинет в лоне вод.
Отставшую флотилию поджидая,⁸⁵
Корабль вождя тогда умерит ход.
Ленивых мы поносим без пощады;
По их вине мы тратим время зря,
Невольно мы сгораем от досады,
Бросая в даль задумчивые взгляды, —
Не мало надо ждать, пока сверкнет заря.

XXI.

⁸⁵ «Еще добавочное «бедствие человеческой жизни» — лежать в дрейфе при заходе солнца, в ожидании, пока самое заднее судно станет самым передним. Заметьте: хороший фрегат и хороший ветер, который, может быть, к утру переменится, но пока достаточен для десяти узлов!» (Прим. Байрона в рукописи).

Луна блестит; как эта ночь прекрасна!
Испещрено лучами лоно вод;
Там юноша в любви клянется страстной,
И, веря, дева сердце отдает;
Дай Бог и нам дела вести успешно
На берегу. Вот новый Арион
Запел мотив любимый и поспешно
Матрос пустился в пляс, смеясь потешно,
Забыв, что уж давно покинул берег он.

XXII.

Пролив Кальпе так узок, что узоры
Двух берегов видны. Европа там
На берег Африки бросает взоры.
Дарит Геката луч свой тем местам,
Где властвуют испанки, что богаты
Красой лица, и тем, где мавр царит.
Но в час, когда под факелом Гекаты
Блестят испанских гор леса и скаты,
Как Мавритании уныл и мрачен вид!

XXIII.

Когда сияет ночь, душа невольно

Мечтает о любви, что скрылась в даль,
О дружбе прежних дней. Без дружбы больно
Влачить свой век, — с ней быть в разлуке
жаль.

Кто ж долгой жизни рад, когда увяла,
Нам изменив, в дни юности любовь?
Для смерти остается дела мало,
Когда нам страсть «прости» навек сказала...
Дни счастья пережить кто не желал бы вновь!

XXIV.

Глядя на волн безбрежную пустыню,
Где отражен Дианы бледный свет,
Забыв и упованья, и гордыню,
Мы преданы мечтам минувших лет;
Какие б мы ни ведали страданья,
На дне души у всякого из нас
Отрадное блестит воспоминанье;
Как больно нам, когда о нем мечтанье
Слезу невольную из наших вырвет глаз!

XXV.

Кто на вершинах скал сидит, внимая
Журчанью вод, несущихся с стремнин;

Кто, общества людского избегая,
В тени лесов скитается один;
Кто на утес взбирается высокий,
Где стаду пастуха не слышен зов;
Кто любит и ущелья, и потоки, —
Тот разве в мире путник одинокий?
Нет, тот с природою в общеньи жить готов.

XXVI.

Кто ж носится, скучая, в вихре света
И осужден, усталый, дни влачить,
Любви не слыша теплого привета,
Среди толпы, где некого любить,
Где павшему в борьбе звучат проклятья,
Где даже не почтят ваш прах слезой,
Кто дружеской руки не ждет пожатья,
Встречая лишь льстецов одних объятья, —
Тот одинок вполне; тот в мире всем чужой.

XXVII.

Счастливее сто раз монах Афона.⁸⁶

⁸⁶ Одним из любимых удовольствий Байрона было, как он сам говорит в одном из своих дневников, — выкупавшись

Сродняется с ним вечно чудный вид:
Над ним лазурь сияет небосклона,
У ног его спокойно море спит.
Усталый путник, бывший в крае этом,
Завидует владельцам дивных мест,
Жалея, что не жил анахоретом;
Не может он мириться с хладным светом,
Где осужден, как встарь, нести тяжелый крест.

XXVIII.

где-нибудь в укромном месте, сесть на высоком утесе над морем и по целым часам смотреть на небо и на волны. «В жизни, как и в своих песнях, он был истинным поэтом», говорит сэр Эджертон Бриджес. «Он мог спать, и — очень часто спал, завернувшись в свой грубый серый плащ, на жесткой палубной скамье, когда кругом со всех сторон шумел ветер и вздымались волны; он мог поддерживать свое существование коркой хлеба и кружкой воды»...

Можно принять за верное, что Байрон описывает только то, что сам видел. Однако ни в его собственных письмах с Востока, ни в записках Гобгоуза мы не находим упоминания о посещении им Афона. Эта гора «гигантской высоты» (6350 футов) в одиноком величии поднимается над морем в виде белого известкового конуса. Если смотреть с известного расстояния, то Афонский полуостров (южная часть которого достигает 2000 футов высоты) будет ниже горизонта, так что Афон кажется выходящим прямо из моря. Байрон, по всей вероятности, так его и видел.

Я длинный путь описывать не стану,
Где мертвый штиль идет за бурей вслед;
Не мало кораблей по океану
Несется, хоть средь волн следов их нет.
Пловцы знакомы с силой непогоды;
Как незавидна участь корабля,
Когда бушует шквал и стонут воды!
Пловцов тогда кончаются невзгоды,
Когда отрадный крик звучит: земля, земля!

XXIX.

Здесь острова Калипсо, теша взгляды,⁸⁷
Как две сестры, блестят средь лона вод:
Там гавань есть, ей мореходы рады,
Хоть в ней давно Калипсо слез не льет
Об Одиссее, что, с богиней в ссоре,
Ей изменил для смертной. Вот утес,
Откуда Телемак скатился в море,

87 «Говорят, островом Калипсо была Гоза». (Прим. Байрона).

Страбон говорит, что Аполлодор упрекал поэта Каллимаха за то, что тот оспаривал мнение, будто остров Гоудус (Гози) был Огигией, островом Калипсо, хотя, как ученый, и должен был бы это знать.

Гоним суровым Ментором; здесь в горе
Она от двух утрат лила не мало слез.⁸⁸

XXX.

О, юноши, хоть лик богиня скрыла,
Вас искушенье может в грех вовлечь.
Ее богиня смертная сменила, —
Вы с новою Калипсо бойтесь встреч!
О, Флоренс!⁸⁹ Если б только сердце это

⁸⁸ «Мудрый Ментор, толкнув Телемака, сидевшего на краю утеса, сбросил его в море и сам бросился вместе с ним... Неутешная Калипсо возвратилась в свою пещеру и наполнила ее своими стенаниями». (Фенелон, «Телемак»).

⁸⁹ «Новая Калипсо Байрона, г-жа Спенсер Смит (род. ок. 1785 г.), дочь барона Герберта, австрийского посла в Константинополе и вдова Спенсера Смита, английского резидента в Штутгарте. В 1805 г. она жила, для поправления здоровья, на морских купаньях в Вальдандо, близ Виченцы; когда в северной Италии появились наполеоновские войска, она вместе с своей сестрой, графиней Аттомс, уехала в Венецию. В 1800 г. генерал Лористон овладел этим городом, и вскоре затем г-жа Смит была арестована и в сопровождении жандармов отвезена на итальянскую границу, откуда ее хотели сослать в Валансьен. Об этом случайно узнал один сицилианский дворянин, маркиз де-Сальво, на которого красота пленницы произвела сильное впечатление. Он

решился ее освободить. С его помощью и вместе с ним она бежала из Брешии; после разных приключений, беглецы благополучно прибыли в Грац, где жила другая сестра г-жи Смит, графиня Страссольдо.

История этого бегства подробно рассказана маркизом де-Сальво и герцогиней д'Абрантес. Байрон познакомился с Смит на Мальте и через нее послал своей матери, 15 сентября 1809 г., письмо, в котором сообщает некоторые подробности об этой «весьма необыкновенной женщине: «ее жизнь с самого начала так богата замечательными событиями, что в любом романе они показались бы невероятными... Она никогда не знала препятствий... возбудила ненависть Бонапарта участием в каком-то заговоре; много раз подвергала свою жизнь опасности, а ей нет еще и 25 лет... Со времени моего прибытия сюда я почти всегда находился в ее обществе. Я нашел в ней женщину очень красивую, очень воспитанную и крайне эксцентричную...».

Кроме XXX–XXXII строф II песни: «Чайльд-Гарольда», Байрон посвятил ей стихотворения: «К Флоренсе» и «Стансы, сочиненные во время грозы» (близ Цицы, в октябре 1809 г.). Мур высказывает мнение, что поэт был влюблен не столько в нее, сколько в свое воспоминание о ней. «У человека, одаренного таким сильным воображением, как Байрон, который, передавая в своих стихах многое из собственной жизни, в то же время примешивал к своей жизни много поэтического вымысла, — трудно, распутывая сложную ткань его чувств, провести границу между воображаемым и действительным. Так, например, здесь его слова о неподвижном и лишенном любви сердце, которое не поддается очарованию этой привлекательной особы, совершенно противоречат некоторым его письмам, а в особенности — стихотворению, сочиненному во время

Могло поддаться чарам красоты,
Тобою грудь моя б была согрета;
Но лучшего достойна ты привета,
Твой храм не осквернят греховные мечты.

XXXI.

Так думал Чайльд-Гарольд, глядя без страсти
На чудное виденье. Светлый бог,
Над ним уж не имея прежней власти,
Героя моего пленить не мог.
Волнений чужд, он к цели шел упрямо,
Не признавая более любви;
Пред ним навек закрылись двери храма,
Где он курил не мало фимиама:
Амур разжечь не мог огонь в его крови.

XXXII.

грозы». Говоря это, Мур забывает о разнице во времени: цитированное стихотворение написано всего месяц спустя после отъезда поэта с «острова Калипсо», а строфы «Чайльд-Гарольда» — весной уже 1810 г. По словам биографа Байрона, Гольта, поэт «выказывал к ней страсть, но только платонически. Впрочем, она выманила у него ценный перстень с желтым бриллиантом».

Красавица себе не объясняла,
Как Чайльд-Гарольд мог устоять пред ней,
Когда толпа поклонников вздыхала
У ног ее, клянясь в любви своей.
Пленен ее волшебною красою,
Как мог Гарольд не пасть к ее ногам,
Признавшись, может быть, кривя душою,
Что стал ее рабом? Тщетны порою
Признанья, но гневить они не в силах дам.

XXXIII.

То сердце, что ей мраморным казалось,
Молчанью и гордыни предано,
С искусством обольщения сроднялось;
Легко в обман могло вводить оно.⁹⁰

90 Большинство комментаторов приводит «в опровержение» этих стихов слова Байрона в письме к Далласу: «Я не Иосиф и не Сципион, но смело могу утверждать, что никогда в жизни не соблазнил ни одной женщины». Мур замечает, что эти стихи один из многих примеров байроновской манеры выставить себя в дурном свете: «Как бы ни была велика распущенность его жизни в коллегии, — такие выражения, как «искусство обольщения» и обман совершенно к нему не применимы».

Но Чайльд забыл, как расставляют сети,
И силой обольщений пренебрег;
Коль нет любви, напрасны средства эти,
Когда б лишь для любви он жил на свете,
С толпой вздыхателей смешаться бы не мог.

XXXIV.

Тот плохо знает женщин, кто уверен,
Что вздохами их можно победить;
Взяв сердце в плен, рабом, который верен
И предан им, зачем же дорожить?
Влюбленный поступает неумело,
Смирение раба пуская в ход;
Скрывая страсть, идите к цели смело;
Надежда на успех не портит дела;
Дразните их любовь — и вас победа ждет.

XXXV.

Об этой старой истине скорбели
Не раз и те, что чтут ее закон;
Счастливец, что достиг заветной цели,
Ничтожеством награды поражен.
Бесчестье, даром сгубленные силы —
Любви счастливой горькие плоды;

Когда ж расстались мы с надеждой милой,
Нас мучит сердца рана до могилы,
Хотя былой любви исчезли и следы.

XXXVI.

Но здесь покинем ряд мечтаний праздных.
Не мало мы увидим гор и вод,
Не мало мы картин увидим разных,
Не призраки — тоска нас поведет.
Нам быть в краях, каких игрой мышленья
Создать не в состояньи человек,
Каких нам не опишут те творенья,
Где людям расточают наставленья,
Как будто в них есть прок для нравственных
калек.

XXXVII.

Природа-мать, что может быть чудесней
Твоих роскошных видов и картин?
Тобою полн, тебя встречает песней
Твой преданный, хоть не любимый сын.
Не восхищаться видами нет мочи,
Где без прикрас ты в дикости своей
Являешься. И днем, и в мраке ночи